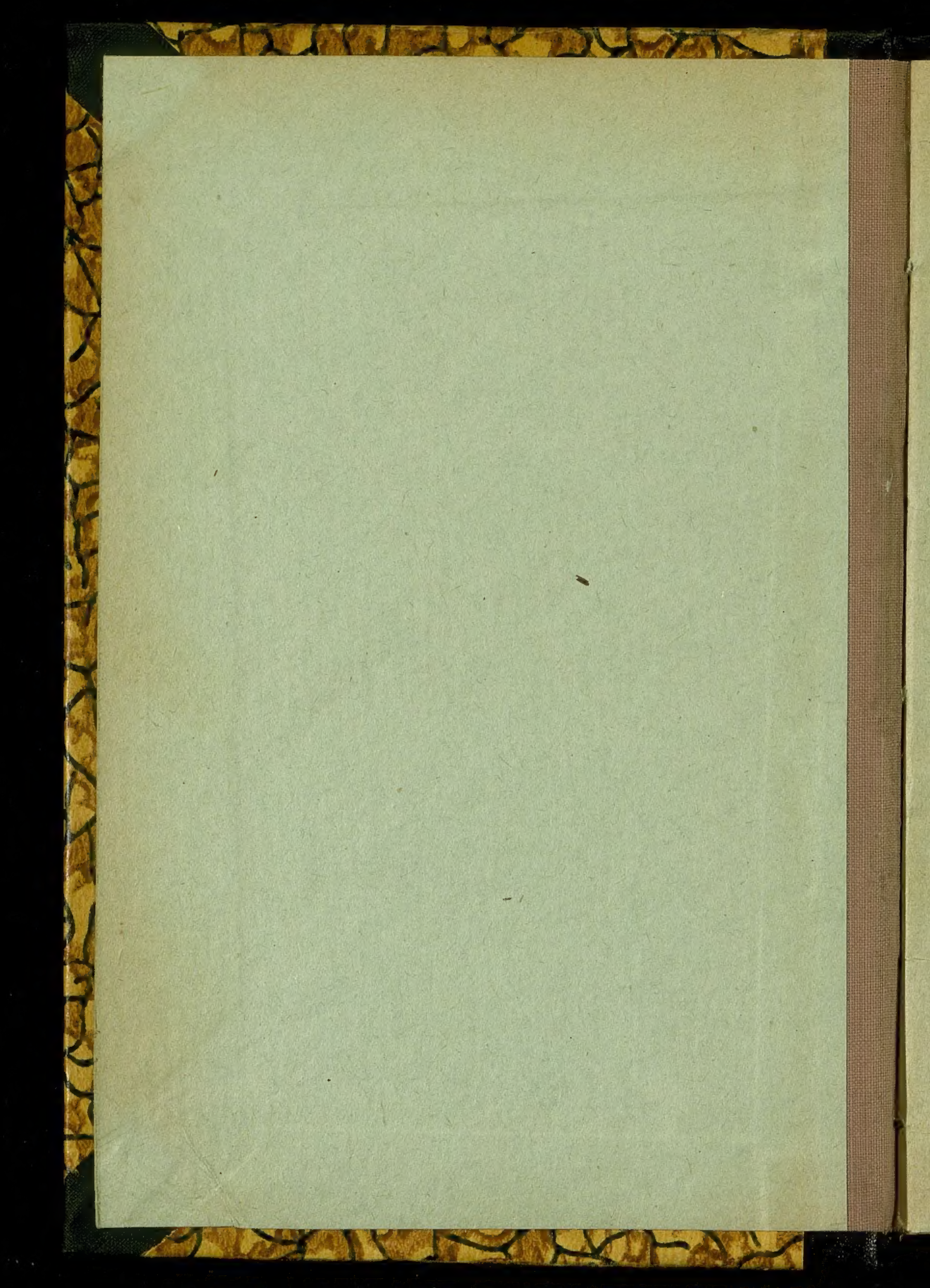
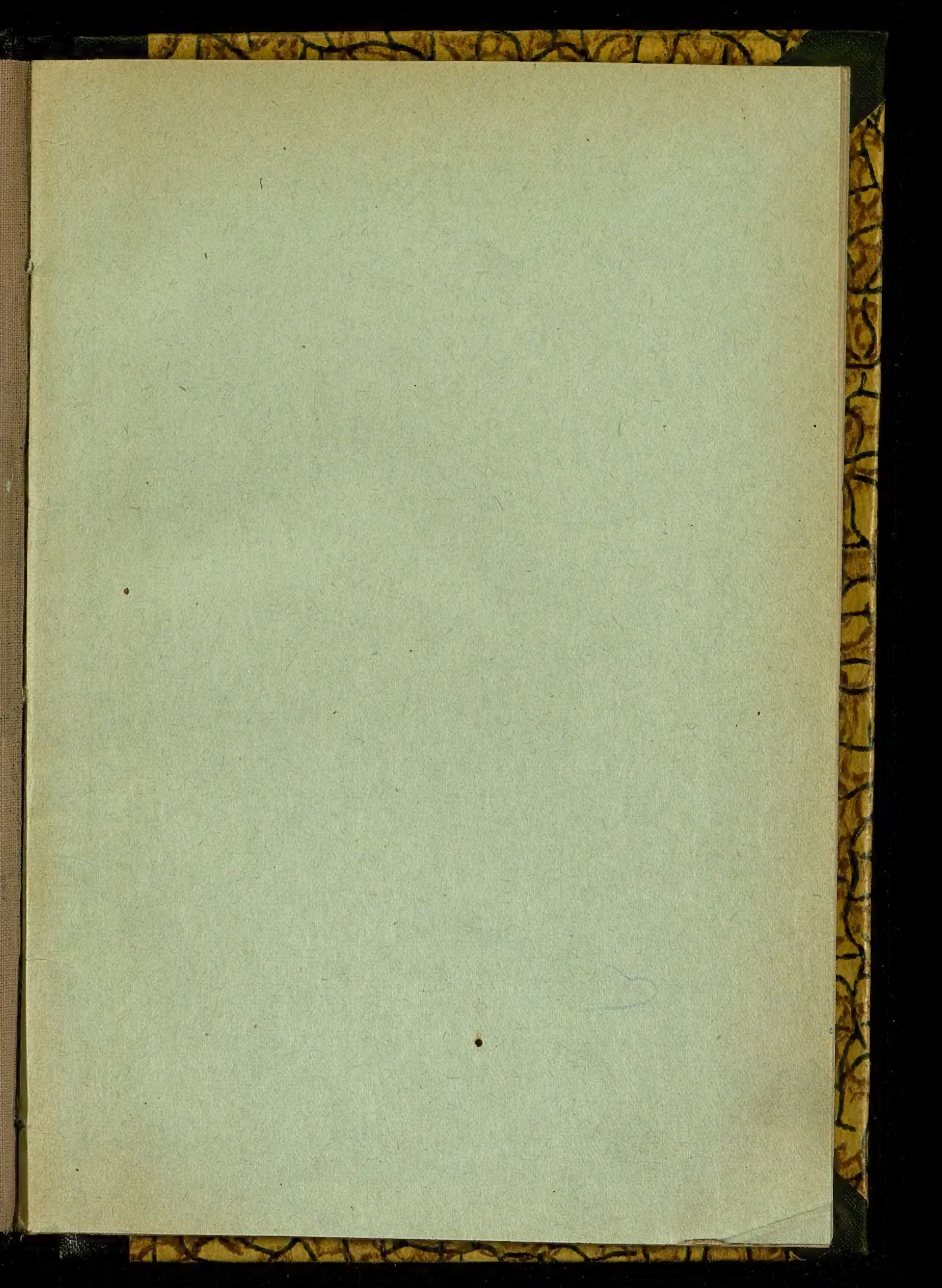
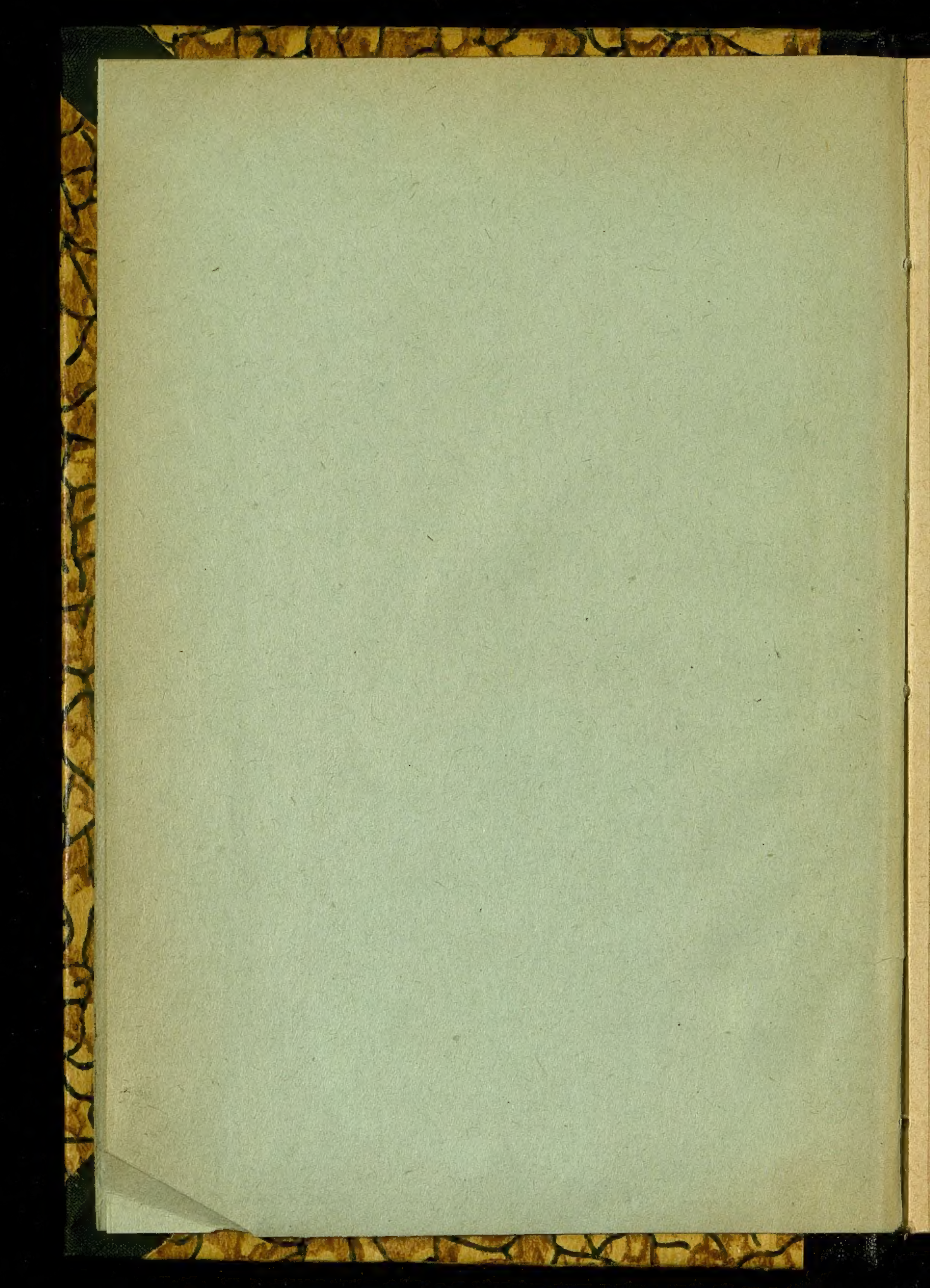

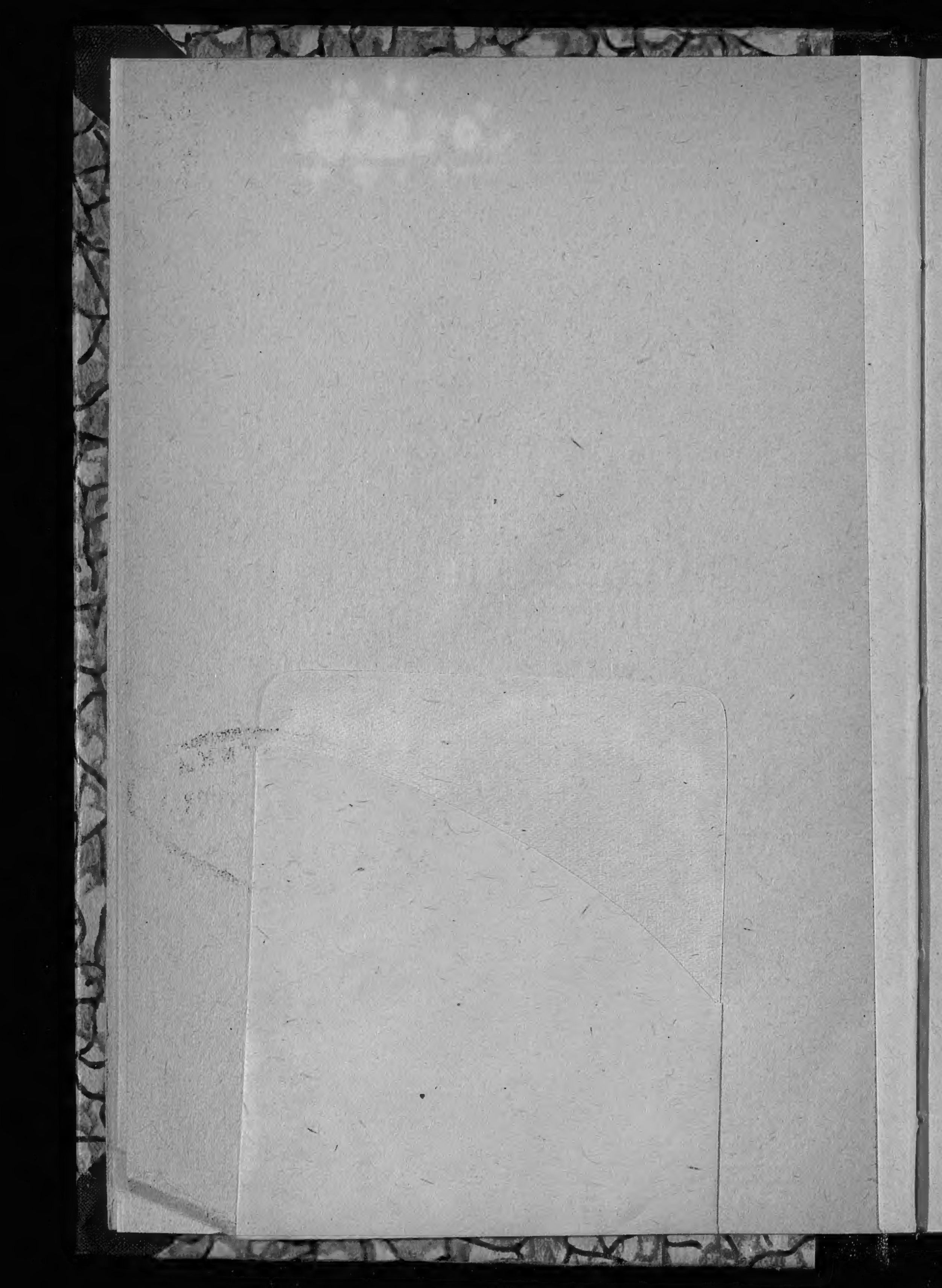

ДЕЛЕГАЦИЯ СССР
НА
ПОСЛЕДНЕЙ СЕССИИ КОМИССИИ РАЗОРУЖЕНИЯ

(Вторая половина VI сессии)
6 ноября—9 декабря 1930 г.

ИЗДАНИЕ НКИД МОСКВА—1931 г.

ДЕЛЕГАЦИЯ СССР
НА
ПОСЛЕДНЕЙ СЕССИИ
КОМИССИИ РАЗОРУЖЕНИЯ

(Вторая половина VI сессии)
6 ноября—9 декабря 1930 г.

ИЗДАНИЕ НКИД МОСКВА—1931

Уполн. Главлита В 9324 Н. 7080 Тираж 1.500
Типо-литография им. Воровского, ул. Дзержинского, 18.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Стр.

Правительство СССР, начиная с первых дней своего существования, сделало борьбу за мир одним из основных положений своей политики и неоднократно выступало с предложениями о разоружении [1]).

В последнее время, несмотря на отрицательное отношение к Лиге наций и скептическое отношение к ее работам, Советское правительство, не желая упускать хотя бы малейшей возможности демонстрации своих мирных намерений, равно как и возможности затруднить рост дальнейших вооружений, разоблачая тех, кто эти вооружения проводит, приняло участие в работах Комиссии по подготовке конференции по разоружению, образованной по инициативе Лиги.

Уже на первом заседании IV сессии Комиссии по разоружению, на котором впервые присутствовала советская делегация, 30 ноября 1927 года, т. Литвинов сделал декларацию о необходимости немедленного, всеобщего и полного разоружения [2]). Однако Комиссия отложила слушание этого вопроса до своей следующей сессии.

15 февраля 1928 г. советская делегация направила в Комиссию проект конвенции о немедленном, всеобщем и полном разоружении, развивавший и конкретизировавший положения декларации от 30 ноября 1927 г. [3]).

На V сессии Комиссии, последняя в резолюции от 24 марта 1928 г. отклонила советский проект конвенции о полном разоружении, ровно как и отложила слушание другого проекта, представленного советской делегацией, а именно проекта конвенции о сокращении вооружений на половину—для больших стран и на одну треть и одну четверть—для меньших [4]).

Следующая сессия Комиссии была созвана только через 13 месяцев — после двукратных настояний советской делегации и когда со всею очевидностью обнаружился провал франко-британского морского соглашения.

VI сессия, наконец открывшаяся 15 апреля 1929 г., не закончила второго чтения проекта, составленного Комиссией в 1927 г., и успела только отклонить второй советский проект

[1]) „СССР в борьбе за разоружение", Москва, Литиздат НКИД, 1928 г., стран. 11.

[2]) „СССР в борьбе за разоружение", Москва, Литиздат НКИД, 1928 г. стран. 38.

[3]) „Проект конвенции о всеобщем, полном и немедленном разоружении", Москва, Литиздат НКИД, 1928 г.

[4]) „В борьбе за мир", Москва, Литиздат НКИД, 1928 г., стр. 4.

— сокращения вооружений. Комиссия, впрочем, обязалась резолюцией от 19 апреля 1929 г. представить Конференции по разоружению, второй советский проект. 6 мая 1929 г., сессия, получившая наименование «первой половины VI сессии»,—была прервана и срок созыва второй ее половины фиксирован не был.

Однако, в той части, в которой вопрос о разоружении был уже рассмотрен, довольно ясно обнаружилось направление дальнейших работ. Отказ Подготовительной комиссии недвусмысленно высказаться по основному положению советского предложения—о необходимости ощутительного сокращения вооружений и категорическое несогласие включить это слово в свой проект, отказ от ограничения военнообученных резервов, отказ от ограничения материальной части сухопутных войск, отказ от воспрещения подготовки к химической войне, отказ от ограничения запасов военной авиации и от воспрещения милитаризации гражданской авиации и другие подобные решения,—показывали тенденцию руководящего большинства Комиссии разоружения ограничить будущую конвенцию, в этой части, чисто показными и сравнительно второстепенными военными элементами: личным составом под ружьем и воздушными силами в строю и то без намерения, сколько нибудь, ощутительно их сократить. Оставались не рассмотренными: морской вопрос, получивший в дальнейшем то же решение, и вопрос о военных бюджетах—так и не проработанный до конца существования Комиссии.

Подобные результаты первой половины VI сессии Комиссии разоружения дали, председателю советской делегации т. Литвинову, основание об'явить во всеуслышание на последнем заседании сессии 6 мая 1929 г. о полной непригодности проекта Комиссии, отрицательном, для дела разоружения, значении ее работы и необходимости коренного пересмотра ее решений и установок [9]).

После сессии 1929 г. работа по разоружению в Лиге наций замерла и ограничивалась т. наз. вопросами безопасности. Весной 1930 г., с 28 апреля по 9 мая, состоялась IV сессия Комитета арбитража и безопасности, на которую в противоположность первым трем сессиям Комитета—Советское правительство не назначило наблюдателя. На X и особенно на XI Собраниях Лиги наций, осенью 1929 и 1930 гг., также преимущественно стояли вопросы об арбитраже, об изменении Статута Лиги и о взаимной военной помощи. В частности, на XI Собрании была подписана 2 октября 1930 г. конвенция о финансовой помощи государствам, при-

[9]) См. „Делегация СССР на VI сессии комиссии разоружения“, Москва, изд. НКИД, 1929 г., стр. 65.

знанным Лигой наций жертвой нападения, инициатором каковой было финляндское правительство. Введение этой конвенции в действие, было связано с конвенцией о разоружении, проект которой разрабатывался в Подготовительной комиссии.

Рядом с этим, помимо Лиги Наций, имели место некоторые события—прямо связанные с ее работами по разоружению и которые советская делегация неоднократно затрагивала в своих выступлениях.

Весной 1929, на смену консервативного кабинета в Англии, пришел лэбористский кабинет Макдональда-Гендерсона. Новым британским правительством и его делегатом по разоружению лордом Сесилем были сделаны, в частности на X Собрании Лиги наций, и делались до самого конца работ Подготовительной комиссии, общие декларации о необходимости нового рассмотрения ее решений и необходимости сокращения вооружений. Однако на практике при обсуждении отдельных конкретных вопросов на сессии 1930 г. лорд Сесиль продолжал голосовать вместе с представителями Франции и остального руководящего большинства женевской комиссии.

Рядом с этим, в начале 1930 г., в Лондоне с 21 января по 22 апреля состоялась морская конференция вашингтонских держав. Т. к. необходимость сепаратного, помимо Комиссии разоружения, решения морского вопроса выставлялась основанием для перерыва ее работ (против чего всегда высказывалась советская делегация), то по окончании Лондонской конференции, ее председатель, британский премьер Макдональд, письмом от 21 апреля 1930 г. сообщил председателю Комиссии разоружения г. Лоудону об итогах конференции, которая была признана устранившей основное препятствие для работ женевской комиссии. Однако, Лондонский договор повлек только увеличение и значительное и качественное усиление флотов трех держав — Британской Империи, Соединенных Штатов Америки и Японии. Соглашения же с Францией и Италией о размерах морских вооружений, вовсе, достигнуто не было. Вопрос же о методе морского ограничения не получил достаточно определенного решения, как не получил он его затем и в Комиссии разоружения.

*
* *

Вторая половина шестой и последней сессии Комиссии разоружения, состоялась после восемнадцати месячного перерыва и продолжалась с 6 ноября по 9 декабря 1930 г.

На этой сессии были представлены 27 государств нижеследующими делегатами:

Советская делегация состояла: из председателя т. Литвинова и членов т. Луначарского и т. Лангового.

Делегатами остальных государств были следующие лица (указываются только первые делегаты):

Бельгия — г. Буркен.

Болгария — г. Морфов.

Британская Империя — лорд Сесиль.

Германия — граф Бернсторф.

Венецуэла — де ла Мадриц.

Греция — г. Политис.

Ирландия — г. Лестер.

Испания — г. Кобиан.

Италия — ген. де Маринис

Канада — г. Риддель.

Китай — г. Ву-Кай-Ценг.

Куба — г. де Бланк.

Ниндерланды — г. Лоудон (выступал второй делегат г. Рутгерс).

Норвегия — г. Кольбан.

Персия — г. Сепабоди.

Перу — г. Баррето.

Польша — ген. Каспшисский.

Румыния — г. Антониаде.

США — г. Гибсон.

Турция — Тевфик Рюшди бей (выступал также второй делегат Мунир бей).

Финляндия — г. Хольсти.

Франция — г. Массигли.

Чехословакия — г. Бенеш (выступал второй делегат Фирлингер).

Швеция — г. Вестман.

Югославия — г. Маркович.

Япония — г. Сато.

Аргентина, Гватемола, Колумбия, Чили и Уругвай, имевшие место в Комиссии, делегатов не прислали.

Председателем Комиссии был г. Лоудон, вице-председателями — г.г. Политис и Кобиан, секретарем — заведующий Секций разоружения Лиги наций г. Агнидес.

Комиссия имела 27 пленарных заседаний и кроме того пять заседаний в том же составе, но в качестве морской подкомиссии, а также образовала ряд комитетов. В двух из них—по ограничению численности военных профессионалов флота и по методу морского ограничения участвовала советская делегация.

Ход работ второй половины VI сессии Комиссии распадался на следующие основные этапы. Сессия началась с доклада председателя и общих прений о возможности пересмотра ранее принятых решений Комиссии. Далее про-

исходило окончание второго чтения проекта Комиссии в части, незаконченной на сессии 1929 г., при чем вопрос о сухопутном материале подвергся новому рассмотрению. Затем было произведено краткое третье чтение проекта.

После этого Комиссия составила доклад, комментирующий конвенцию, и закончила свои работы советской декларацией и декларациями еще нескольких делегаций. Некоторые дополнительные подробности относительно работы Комиссии приводятся в качестве пояснений к выступлениям советской делегации, перед текстом соответственных речей.

Итоги работы Подготовительной комиссии материально выразились в двух документах; проекте конвенции, принятом на 23 заседании, вечером 5 декабря 1930 г. (затем датированным 9 декабря), и в докладе Комиссии принятом на 26 заседании, утром 9 декабря. Советская декларация, сделанная на 27 заседании, вечером 9 декабря, и не отраженная в докладе Комиссии, не была к нему приобщена, а была разослана вместе с текстом всего протокола последнего заседания. Что же касается советского проекта конвенции о сокращении вооружений, то вместо предусмотренного резолюцией 19 апреля 1929 г. приобщения советского проекта к докладу Комиссии, представляемого конференции,—Секретариат сделал после окончания работ Комиссии, редакционное примечание к ссылке советской делегации на эту резолюцию—ввиде подстрочной сноски, указывающей, что советский проект был отпечатан в 1928 г., как приложение к протоколам V сессии.

*
* *

Составленный Подготовительной комиссией проект конвенции квалифицируется в докладе Комиссии, как представляющий собою только рамки для работ будущей конференции. Он состоит из 60 статей с 49 оговорками в тексте проекта и особой советской декларацией.

Проект был прямо отклонен советской и германской делегациями. Турецкая делегация сделала общую оговорку на счет права предоставления конференции собственного плана разоружения, а норвежская и ирландская делегации, ссылаясь на то, что они участвовали только в последней сессии 1930 г., резервировали свободу действий своих правительств.

Проект начинается с вводной статьи о том, что те из категорий вооружений, которые перечислены в конвенции, будут ограничены и, поскольку возможно, сокращены. При этом в докладе подчеркивается, что дело идет о сокращении до минимума, совместимого с национальной безо-

насностью, и что многие правительства считают, что у них далеко не хватает вооружений. В особенности это относится к морским и воздушным вооружениям, которые, говорится в докладе комиссии, в большинстве государств едва развиты.

К этим положениям, показывающим, что сокращение вооружений в понимании Комиссии совершенно не означает их уменьшения, добавляются еще две статьи в конце проекта, также определяющие характер проектируемого разоружения.

Статья 53 сохраняет в силе ранее заключенные договоры об ограничении вооружений, но не только договоры о разоружении побежденных держав (Германии, Австрии, Венгрии и Болгарии), но и Вашингтонский и Лондонский морские договоры о сохранении, увеличении и усилении флотов главных морских держав.

Кроме того статья 50 проекта предусматривает, что если государство, участвующее в конвенции, признает наличие угрозы своей национальной безопасности и оповестит об этом, то оно может по своему усмотрению увеличить свои вооружения и превысить предельные нормы, установленные в конвенции.

Часть I конвенции касается личного состава армии, флота и воздушного флота войск и образований, организованных по военному (полиции и т. д.).

Глава А предусматривает ограничение личного состава по каждой из этих категорий, при чем за основу берется количество пайков.

В отношении сухопутных сил в рамках общей численности специально ограничиваются еще численность: 1) офицеров и 2) прочих сверхсрочнослужащих; для воздушных сил — офицеры об'единены с прочими сверхсрочнослужащими в одну группу; для морских сил выделения военных профессионалов вовсе не сделано.

Разделение на вооруженные силы, стоящие в метрополии и вне метрополии, сделано только для некоторых таблиц; к тому же в ряду случаев оно не имеет обязательного характера и ни в одном случае не обязывает ограничить численности войск в каждой колонии по отдельности.

Глава А была принята с французской оговоркой по поводу выделения военных профессионалов, германской и итальянской оговоркой по поводу колониальных войск (повторяющейся и в других главах конвенции), германской оговоркой о необходимости ограничения военнообученных резервов и учета их, как военной силы, и (повторяющейся также и в других главах конвенции) турецкой оговоркой о необходимости отдельного ограничения войск в каждой колонии.

Глава Б, относящаяся только к войскам, формируемым в порядке обязательной военной службы, устанавливает необходимость предусмотреть в конвенции предельные сроки военной службы, но не указывает самих этих сроков.

Часть II касается материала. Глава А этой части не содержит в тексте статьи об ограничении сухопутного материала, хотя в примечании говорится, что за принцип его («прямого») ограничения было подано девять голосов против девяти, при семи воздержавшихся. Вместо этого в главу помещена статья об ограничении расходов на содержание, покупку и изготовление сухопутного материала, а в примечании указано, что за принцип бюджетного ограничения было подано шестнадцать голосов против трех, при шести воздержавшихся, а за комбинацию обоих методов: ограничение материалов и ограничение расходов,— было подано девять голосов против одиннадцати, при пяти воздержавшихся. Текст статьи принят условно, до представления доклада комитета бюджетных экспертов, при чем германская делегация резервировала свое суждение до ознакомления с этим докладом. Делегация же США признала неприемлимой для США систему бюджетного ограничения.

Глава Б, касается морских вооружений не дает реального решения основного спорта вопроса о том, в какой мере и к каким флотам будет применяться, кроме общего (глобального) ограничения тоннажа всего флота, еще ограничения по категориям отдельных судов. В остальном этот раздел воспроизводит положения Вашингтонского и Лондонского договора. (См. более подробно ниже в пояснениях к выступлениям советской делегации по морским вопросам).

Глава сопровождается многочисленными оговорками, среди которых надо отметить: итальянскую оговорку о невозможности присоедиться к какому либо методу до решения вопроса о численном соотношении и предельных размерах флотов; германскую оговорку по поводу оставления, без какого либо ограничения неплавучего морского материала; оговорки Британской Империи, Швеции, Югославии, Греции, Румынии, Турции, Польши, Норвегии, Финляндии, США, Италии, Испании и Нидерландов на счет того, или иного понимания статей о методи ограничения; американскую оговорку относительно неприемлимости всякого бюджетного ограничения; французский и японский отказ от отдельного ограничения морских бюджетов (предусмотренного в той же главе, также условно до представления доклада Комитета бюджетных экспертов и с той же германской оговоркой) и британскую и итальянскую оговорку о зависимости их отношения к ограничению морских бюджетов от позиции остальных морских держав.

Глава С части II предусматривает ограничение численности и общей двигательной силы самолетов (а для дирижаблей еще общего их об'ема) в частях и непосредственном резерве войск и образований, организованных по-военному.

Кроме того предусматривается воспрещение требовать (но не обязанность не допускать) включения военных элементов при постройке гражданских воздушных судов и воспрещение специального военного обучения гражданского летного персонала, но с правом временного использования военных материалов и персонала в гражданских авиационных предприятиях, а также воспрещение субсидий на проведение чисто военных воздушных линий, но без какой-либо конкретизации последнего требования.

Глава сопровождается германской оговоркой по поводу неограничения военно-воздушного материала на складах (с турецкой контр-оговоркой) и содержит еще канадскую оговорку о необходимости разрешить неограниченную переброску военного материала и персонала. Кроме того (в докладе) отмечается сожаление британской делегации по поводу неограничения отдельно военно-воздушных бюджетов. Там же упоминается об отклонении Комиссией предложения о воспрещении воздушных бомбардировок.

Часть III содержит одну статью об ограничении общей совокупности военных бюджетов. Текст статьи принят условно до представления доклада бюджетных экспертов и сопровождается оговорками германской делегации, резервировавшей свое суждение до ознакомления с этим докладом, и американской о неприемлимости для США ограничения военных бюджетов.

Таким образом бюджетный вопрос также не был ясно определен Комиссией и его решение оставлено до конференции, при чем правительства должны будут учесть работы Бюджетного комитета.

Часть IV касается обмена сведениями, часть V воспроизводит с некоторыми изменениями Женевский протокол 17 июня 1925 г., о воспрещении химической и бактериологической войны (но не воспрещение подготовки к ней) и часть VI—говорит об организации и выполнении конвенции, вступлении ее в силу и ее пересмотре.

*
* *

Советская делегация принимала активное участие в работах Комиссия и брала на сессии 1930 г. слово 118 раз, девять раз вносила письменные предложения и представила особый меморандум (см. № III).

Письменные предложения советской делегации касались: необходимости включения недвусмысленного указания на сокращение вооружений (см. №№ 10, 11, 26, 27, 35 и 36): сокращения военнообученных резервов и численности военных профессионалов (№№ 2 и 35); сокращения материальной части сухопутных войск (№ 7); морских вооружений (см. №№ 10 и 11 и приложения I и II); сокращения воздушных сил (№ 36); военных бюджетов (№№ 26 и 27). Некоторые из советских поправок вносились по два или даже по три раза из-за того, что комиссия брала за основу не свой проект, а предложения других делегаций, или чинила препятствия раздельному голосованию тех мыслей советских предложений, которые составляли их основную суть.

Рядом с представлением отдельных предложений советская делегация в ряде случаев поддерживала те из конкурировавших предложений различных стран, которые были направлены на ослабление вооружений, и побуждала не делать уступок в ущерб делу разоружения, вносила во время дискуссий ряд устных поправок к поправкам, представлявшимся другими делегациями, и сопротивлялась сокрытию отказа от разоружения, например, заменой его гласностью.

*

* *

В итоге трехлетней работы советской делегации в Комиссии разоружения (1927—1930 гг.), Комиссия отклонила и выхолостила все предложения, которые могли бы вести к действительному разоружению, стараясь при этом избегать ответа на вопросы, которые ставила советская делегация или чиня ей всяческие трудности и даже выделив СССР из всех государств, как страну против которой могут иметься основания делать особые оговорки в конвенции о разоружении.

Со своей стороны советская делегация делала все возможное, чтобы, сколько нибудь, приблизить проект, имеющий быть представленным конференции, к проекту конвенции о разоружении. Однако допущенный в принципе на сессии 1930 г. пересмотр отрицательных решений Комиссии не привел к сколько нибудь существенному изменению на практике принятых Комиссией решений об отказе от разоружения и ограничился такими деталями, как включение в конвенцию воздушных судов, находящихся в непосредственном резерве, или изменение внешней формулировки статьи о сухопутном материале или статьи «об ограничении вооружений», к которой было добавлено указание на «сокращение» с такими оговорками и комментариями, которые лишили это слово его смысла.

Советская делегация не приняла проекта конвенции и доклада Комиссии и дала оценку этих работ в последнем заявлении т. Литвинова 21 ноября, в его берлинском интервью 27 ноября 1930 г. и в формальной декларации, оглашенной т. Луначарским 9 декабря 1930 г. (приводимых в текстах под №№ 29, 30 и 45).

*
**

В докладе на с'езде Советов СССР, председатель Совета народных комиссаров СССР т. Молотов следующим образом характеризовал положение в речи, произнесенной 10 марта 1931 г.

«Для того, чтобы показать, как под прикрытием фраз о разоружении ведется упорная работа по подготовке новых империалистических войн и вооруженного нападения на СССР, следует остановиться на итогах работ Подготовительной комиссии конференции по разоружению. Несмотря на все попытки советской делегации добиться действительного сокращения вооружений, Комиссия в своей работе—если в данном случае уместно употреблять слово «работа»—исходила из другого, исходила из того, чтобы словами о разоружении прикрыть бешеный рост вооружений.

За время четырехлетнего существования подготовительной комиссии, вооружения капиталистических государств не только не сократились, но значительно возросли. За время столь длительного существования Комиссии по разоружению, опасность новых империалистических войн не только не сократилась, но наоборот возросла. Подготовительная комиссия в общем и целом пошла по тому пути, куда ее толкала французская делегация, представлявшая наиболее воинственные, в данный момент, империалистические круги Европы. Впрочем эта позиция Франции, не имеющая ничего общего с интересами действительного мира, была целиком поддержана и со стороны Великобритании и со стороны Соединенных штатов. Особенной же активностью и усердием в деле отклонения, каких бы то ни было, предложений, клонившихся к уменьшению существующих вооружений, отличались польская и румынская делегации. В отличие от других делегаций, Япония, вообще, не скрывала своего откровенно отрицательного отношения к сокращению вооружений. Позицию Италии в основном определяло стремление оказаться с неменьшими вооружениями, чем вооружения любой другой континентальной державы, т. е. Франции. Особую позицию в Подготовительной комиссии занимала Германия, справедливо напоминавшая о том, что запрещение вооружения Германии в свое время было провозглашено, как начало всеобщего разоружения, но о чем в настоящее

время не любят вспоминать представители господствующих в Европе империалистических держав.

Итоги работ последней сессии Подготовительной комиссии по разоружению, выраженные в составленном ею проекте и об'яснительном докладе, сводятся к отказу от всякого ограничения одних видов вооружения и к оправданию сохранения и увеличения других видов вооружения. Полным издевательством над самой идеей разоружения является принятое по предложению американской делегации решение, дающее право каждому государству, когда оно само признает наличие обстоятельства, угрожающих его «безопасности», превышать установленные конвенцией нормы вооружений, лишь уведомляя об этом прочих участников конференции, которые, естественно, в свою очередь, не приминут воспользоваться этим обстоятельством для увеличения собственных вооружений.

Все это заставило советскую делегацию решительно отмежеваться от работ Подготовительной комиссии и выступить с открытым разоблачением полной безрезультатности, в деле разоружения, деятельности Подготовительной комиссии.

Совет Лиги наций созывает, наконец, в феврале 1932 года Международную конференцию по разоружению, в отношении которой также не может быть никаких иллюзий у тех, кто действительно стремится к разоружению и к всеобщему миру. Известно, что когда нужно договориться об увеличении вооружений, то для этого почти что рядом с комиссиями «по разоружению», и во всяком случае «не мешая» их работе, собираются конференции, или как это делается теперь, ведутся тайные дипломатические переговоры и этим путем разрешают все нужные дела, такого рода. Подготовка новых империалистических войн от этого, по всем данным, отнюдь не затрудняется и отнюдь не замедляется.

Что касается СССР, то он может участвовать в конференции по разоружению лишь постольку, поскольку эта конференция действительно будет стремиться к разоружению или по крайней мере к существенному сокращению вооружений. При этом мы можем лишь предупредить капиталистические государства, что мы не позволим им ни до конференции, ни на самой конференции навязывать нам решения и соглашения, установленные в нашем отсутствии и без нашего участия.

Безрезультатность всех происходивших до сих пор комиссий и совещаний буржуазных стран, по вопросу о разоружении и фактически происходящий быстрый рост новых вооружений во всех империалистиэческих государствах, свидетельствует о том, что эти государства вовсе не заинтересо-

ваны в действительном укреплении дела мира, что с их стороны делается все для того, чтобы подготовить и развязать новые империалистические войны. Острие и здесь направлено, как это каждому видно, против Советского Союза».

I.

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ТРИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДЕЛЕГАЦИИ СССР:

Первое заседание комиссии разоружения открылось докладом председателя, в котором между прочим выражалось удовлетворение результатами Лондонской морской конференции и предлагалось не говорить о «разоружении» [6]). Остальная часть заседания была посвящена прениям относительно возможности пересмотра решений, принятых Подготовительной комиссей во время первой части ее VI сессии 15 апреля — 6 мая 1929 г.

Председатель высказался против общей дискуссии и оставлял возможность пересмотра уже принятых, во втором чтении, текстов, только в случае необходимости редакционных поправок. Иначе говоря Комиссия не должна была касаться прошлогодних решений ее большинства не упоминать о «сокращении вооружений» и не ограничивать военнообученных резервов, запасов оружия и т. д. Выступавший после. г. Лоудона, лорд Сесиль, поддержав намерение председателя не допускать общей дискуссии, в осторожной и неопределенной форме предложил допустить пересмотр уже принятых решений в некоторых исключительных случаях и пройти конвенцию по-статейно, чтобы посмотреть, не было что либо просмотрено. В противоположность этому т. Литвинов, дав общий обзор положения, внес конкретное предложение пересмотреть, хотя бы, три самые основные вопроса: о «сокращении», о резервах и о военном материале. Г. Лоудон, перебивший председателя советской делегации пытался изменить направление его речи, а после ее окончения, воспретил переводить ее полностью на французский язык, на что тов. Литвинов отвечал, что тем самым только почеркивается значение речи, так как запретное чтение всегда интересней.

---

6) „Путь в первую очередь отучтся говорить о „разоружений“, как цели наших работ. Приходится постоянно повторять: дело идет единственно о сокращении и ограничении вооружений. Интегральное разоружение является еще идеалом, едва мыслимым в политических и особеннов моральных условиях, как они ныне выступают.“

Заседание закончилось без достаточно определенного решения относительно того, по каким основаниям можно требовать пересмотра принятых статей.

№ 1.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ТОВ. ЛИТВИНОВА.

1-е заседание, утром, 6 ноября 1930 г.

Почтенный делегат Великобритании заявил, что согласен с предложением председателя. Я согласен с лордом Сесилем, но не согласен с председателем потому, что предложение лорда Сесиля отличается от того, что предлагал председатель. Вы, господин председатель, предлагаете начать оттуда, где мы остановились восемнадцать месяцев тому назад, тогда как представитель Великобритании предлагает начать рассмотрение проекта конвенции сначала. Это означает пройти заново пункты, которые уже были обсуждены и в большинстве случаев приняты.

Я не буду заходить так далеко, как представитель Великобритании. Я попрошу много мен ше. И это по тем соображениям, что я заседал здесь в течение нескольких последних сессий, тогда как лорд Сесиль здесь не был и поэтому он более оптимистично настроен. Я готов поддержать предложение лорда Сесиля, но я не имею желания затягивать эту сессию бесплодными дебатами. Я вынужден ясно изложить свою позицию перед комиссией.

Подготовительная комиссия склонна рассматривать сегодняшнее заседание, как продолжение шестой сессии, начавшейся и прерванной восемнадцать месяцев тому назад, а не как начало новой сессии. В своем безграничном оптимизме,—который кажется скорее возрастает, чем уменьшается, прямо-пропорционально неуспеху. Подготовительной комиссии,--большинство делегатов полагало, что кратковременного перерыва шестой сессии будет достаточно для преодоления трудностей, которые встретились в области морского разоружения. Этот оптимизм не подтвердился еще раз, как он не подтвердился, когда комиссия пошла по намеченному ею пути, пути который советская делегация всегда считала и до сих пор считает роковым для дела разоружения. Советская делегация никогда не верила, что метод разрешения вопроса морского разоружения, на который большинство Подготовительной комиссии возлагало такие надежды, способен хотя бы в самой незначительной степени, разрешить проблему морского разоружения в международном масштабе, независимо от того ограничивается ли соглашение тремя морскими державами или двумя и большим числом государств,

к нему присоединившихся. Я не буду останавливаться на этом специальном вопросе и сделаю это когда он будет стоять перед комиссией. Я не думаю, однако, чтобы оптимисты из Подготовительной комиссии имели какие либо основания поздравлять себя с результатами, только что достигнутыми в переговорах и соглашениях о морском разоружении. Перед таким положением вещей мы можем констатировать только тот единственный факт, не имеющий прецедентов в истории международных сношений, что между двумя заседаниями одной сессии международной комиссии имелся перерыв в восемнадцать месяцев.

Можем ли мы действительно оставить без внимания это обстоятельство и вести себя так, как будто мы только что разошлись после 21 заседания шестой сессии и собрались сейчас на 22 заседание, чтобы продолжать работу, которую мы оставили? Можем ли мы оставить без внимания все, что случилось за этот промежуток времени? В нормальное время восемнадцать месяцев могут считаться относительно долгим периодом в истории международных сношений; а насколько он больше в бурное и, тем самым, ненормальное и исключительное время, в которое мы живем! Катастрофическое потрясение, вызванное мировой войной, только еще начинает давать себя знать во всей своей неумолимости и непреклонно пред'являет свой счет человечеству. Защищая советские проекты конвенции о разоружении на сессиях Подготовительной комиссии 1927 и 1929 гг. и указывал на все возрастающую опасность новых войн, но комиссия сочла тогда это слишком пессимистическим взглядом на международное положение, не оправдываемым обстоятельствами. Если бы Подготовительная комиссия в настоящее время продолжала бы придерживаться того же мнения, она бы разошлась с заявлениями государственных деятелей и прессой капиталистических стран, дающих самую мрачную оценку нынешнего международного положения, отмечающих всеобщую тревогу и беспокойство на счет неизбежного усугубления этого положения и даже проводящих определенную аналогию между временем, непосредственно предшествовавшем мировой войне и настоящим моментом. Так, г. Мунк, датский министр иностранных дел, заявил на XI Собрании Лиги наций: «решение великих экономических и политических проблем не принесло ожидаемого успеха и положение в Европе представляется в настоящий момент более тревожным, чем когда - либо после 1924 года». Г. Гиманс, бельгийский министр иностранных дел, на том же Собрании высказал аналогичную мысль следующими словами: «...по многим причинам, на которых я не буду в настоящее время останавливаться, атмосфера становится сгущенной, даже лихорадочной и временами напоминает прежние тревожные времена. В некоторых кругах царит бес-

покойство. Кое-где слухи о войне распространяются, как газовое облако; а уж один факт возможности говорить о войне и о возможности войны и разговоров об этом, сам по себе представляет опасность». А как о положении в Европе судит чуждый софистики «человек улицы», об этом говорит нам корреспондент одной берлинской газеты от четвертого числа этого месяца, цитирую текстуально: «Почти все американцы, вернувшиеся в прошлом месяце и даже ранее из летней поездки по Европе, вынесли впечатление, что Европа идет к новой войне. Вполне безобидные люди, предвкушавшие до поездки все, что им придется посмотреть в Европе, вернулись с этой веселенькой новостью, вне себя и возмущенные, что эта дружественная поездка с хорошими чувствами была омрачена опасным беспокойством».

Действительно, разве мы не видим все время перед собой необыкновенное усиление политического и экономического антогонизма, который находит новую и обильную почву в переживаемом общем экономическом кризисе, кризисе не могущим быть рассеянным никакими антисоветскими заклинаниями? Разве на международное положение не оказывает влияние существование в одной Европе около 50.000.000 человек, принадлежащих к национальным меньшинствам и в некоторых странах составляющих от $1/3$ до $1/2$ всего населения и все более упорно добивающихся своих прав? Разве мы можем, действительно, игнорировать значительное усиление влияния на судьбы известных государств самых безответственных, самых безрассудных и самых агрессивных групп и партий, что в свою очередь является результатом усиления международного и междуклассового антагонизмов в самом капиталистическом обществе, составляющих, как это имеет место, особую опасность для мира в странах, которые более всего вооружены? Разве решительность, с которой различные государства упорно сопротивляются малейшим попыткам разоружения, и энергия, с которой они производят дальнейшее увеличение вооружений, не говорит об опасности войны? Разве военные бюджеты пяти крупнейших государств не увеличились на полмиллиарда долларов (т. е. на 27%) с 1926 г. т. е. за время существования Подготовительной комиссии?

Мы не должны обманываться никакими разговорами на счет сокращения вооруженных сил в национальном масштабе какой-либо страны. Цифры только тогда убедительны, когда они были осторожно и беспристрастно проверены и проанализированы. Например, численность личного состава может быть сокращена, срок действительной военной службы ограничен и в то же время могут быть увеличены резервы, облегчена их мобилизация, увеличено число аэропланов и военных запасов на складах, так что в результате явится не уменьше-

ние, но увеличение разрушительных сил соответственной армии. Если мы стремимся к разоружению, то мы имеем в виду сокращение общего потенциала разрушения, а не частичную перестановку параграфов в рамках определенного военного бюджета.

Противники разоружения в течение многих лет воспевали гимн «безопасности», которая в их глазах, очевидно, является достаточной и исключительной гарантией мира. Им удалось создать в Подготовительной комиссии специальный «Комитет арбитража и безопасности». Этот комитет успешно закончил свои работы и составил проекты договоров о безопасности; между многими странами уже были подписаны договора и были заключены арбитражные соглашения; более того, существует Парижский пакт об отказе от войны, в котором большинство европейских и вне-европейских государств являются сторонами. А появилось ли международное спокойствие? Стала ли меньше опасность войны? Уменьшилось ли сопротивление разоружению? Увы, на все эти вопросы можно дать отрицательный ответ. Государство, которое я представляю, может по собственному опыту прошлого года, засвидетельствовать, что Парижский пакт не оградил его от набегов из соседней страны, участвующей в пакте Келлога, вооруженных банд и отрядов со всеми вытекающими отсюда последствиями [7].

Я буду настолько краток, насколько возможно. Я подхожу к вопросу.

Совершенно ясно, что одно заключение арбитражных, региональных или каких - либо других договоров и даже торжетсвенное подписание общего договора об отказе от войны не способны создать то международное доверие, которое дало бы возможность государствам забыть об опасности войны и прекратить интенсивную к ней подготовку. К этому нужно прибавить, что при системе «безопасности», как она мыслится ее авторами и защитниками, относительная безопасность создается только для одной группы стран в ущерб «безопасности» других стран. Иными словами преследуются определенные национальные или групповые цели, а ни в коей мере не обеспечение условий всеобщего мира, так что шансы общего разоружения еще более падают. Поэтому теория «сперва безопасность, а затем разоружение», должна быть прямо отброшена. Должен быть признан тот факт, что тезис «безопасности» в настоящее время и в форме, защищаемой его сторонниками, направлен против разоружения и что защитники этой доктрины в настоящее время работают против разоружения и даже против сокращения вооружений. Поэто-

7) В этом месте председатель комиссии перебил тов. Литвинова и просил не возбуждать общей дискуссии.

му нечего удивляться, что среди стран наиболее рьяно просивших гарантий «безопасности» и заблаговременно требовавших от Лиги наций финансовой помощи в случае нападения на них,—оказываются те страны, в которых начальники военных штабов, как это теперь всем известно, одновременно составляли и выполняли планы для провоцирования войны с их соседями.

Какие выводы надо сделать из всего этого? Как должны мы оградить себя против неминуемой опасности войны? Для нас, представителей Советского Союза и защитников определенных социально-экономических теорий, совершенно ясна невозможность устранения политико-экономических противоречий в капиталистическом обществе и отсюда совершенная неизбежность войны. Мы верим, однако, иначе мы не были бы здесь,—что опасность войны может быть значительно уменьшена или относительно отодвинута посредством известных мер реального разоружения. Чем больше степень сокращения вооружений, тем меньше будет опасность попыток разрешать существующие противоречия путем вооруженных конфликтов. В соответствии с этим Советская делегация явилась в Подготовительную комиссию с предложением полного и всеобщего разоружения, как максимальной гарантии мира. Встретившись с решительным сопротивлением большинства Подготовительной комиссии, советская делегация внесла предложение о сокращении всех родов вооружений, сухопутных, морских и воздушных, на 50%. Принципы пропорциональности и справедливости, из которых исходило это предложение, устраняли все препятствия, на которые в Лондоне, Париже, Риме, Женеве[8]) и других местах наталкивались переговоры о разоружении, которые велись вне рамок советского проекта. К сожалению, этот проект конвенции был также отвергнут Подготовительной комиссией. При втором чтении проекта конвенции, составленного самой Подготовительной комиссией, советская делегация предложила установить по крайней мере в этом проекте некоторые коэффициенты сокращения вооружений, выраженных в цифрах. Но это предложение было также отвергнуто комиссией.

Я охотно предложил бы вернуться ко всем этим вопросам и пересмотреть их в свете новой фазы международного положения, только что мною обрисованной, если бы я имел хотя бы малейшую надежду на то, что большинство комиссии будет склонно к этому. Но я не питаю такой надежды и

---

[8]) Римская Морская Конференция 1924 г., Женевская Тройственная Морская Конференция 1927 г., Парижский Морской Компромисс 1928 г., как основа пятерного соглашения, потерпели неудачу из-за недостижения соглашения о соотношении флотов различных держав, также как—и по той же причине—на Лондонской Морской Конференции не удалось достигнуть соглашения с Францией и Италией. (Прим, перев).

поэтому не буду снова возбуждать здесь наших старых предложений, оставив их до конференции по разоружению.

Ограничиваясь, однако, рамками второго чтения проекта конвенции, ныне рассматриваемого, и некоторых твердых принципов отрицательного характера, уже принятых комиссией, я все же хотел предложить пересмотреть некоторые вопросы в надежде, что комиссия примет во внимание теперешнее международное положение и новые обстоятельства, появившиеся за восемнадцатимесячный интервал, разделяющий 21 заседание шестой сессии Подготовительной комиссии от ее 22 заседания.

В прошлом году, подводя итоги первой части шестой сессии, я отмечал, что в то время, как можно было считать, что прежние сессии только занимали время и недавали никаких результатов, настоящая (шестая) сессия сделала по крайней мере шаг, но шаг назад и может занести в свой счет отрицательные результаты. Оставаясь в рамках своей собственной конвенции шестая сессия комиссии отклонила одно за другим предложения советской делегации относительно воспрещения подготовки к химической войне и воспрещения воздушной бомбардировки. Комиссия исключила из конвенции статьи об ограничении обученных резервов и военных запасов, как сухопутных, так и воздушных войск; она отказалась составить перечень военного оружия, подлежащего ограничению, тем самым затрудняя из'ятие из употребления войск того оружия, которое является особенно агрессивным и представляет особую опасность для гражданского населения. Комиссия отказалась составить список различных чинов армий и воздушных специалистов, без чего действительное ограничение возможностей развертывания военных сил делается крайне затруднительным. Комиссия отвергла предложение об обязательном ограничении сухопутных и воздушных сил в метрополии и в колониях по отдельности. Комиссия не приняла советского предложения о воспрещении новых усовершенствованных орудий истребления.

Хотя советская делегация и придет крайне важное значение всем этим вопросам, она, тем не менее, не расчитывает на согласие большинства Комиссии вернуться к ним. Не желая затягивать сессию бесплодными дискуссиями, советская делегация была бы склонна остановить внимание Комиссии по крайней мере на наиболее важных из этих вопросов, без положительного разрешения которых весь проект конвенции будет не более, чем пустой шелухой, не содержащей ни в малейшей мере чего-либо, направленного на разоружение. Во-первых, и особенно, мы еще раз приглашаем комиссию заменить во всем проекте конвенции выражение «ограничение вооружений» словами «сокращение и ограничение вооружений». Таким образом, этим можно несколько изменить, со-

здавшееся во время первой половины работ шестой сессии, впечатление, что Подготовительная комиссия имеет в виду вместо сокращения предложить только ограничение вооружений, оставив их на их теперешнем уровне и даже увеличивая их далее до известных пределов. Затем, советская делегация предлагает пересмотреть первоначально решенный отрицательно вопрос о включении в конвенцию обученных резервов в качестве одногоо из главных элементов боевой силы современных армий, опасных, как сотнями тысяч людей, содержащихся под ружьем, так и миллионами, которые будут посланы на фронт во время войны. Далее советская делегация стоит за включение в конвенцию запасов военных материалов, дающих возможность снабдить армию для войны. Кажущееся уменьшение вооруженных сил, в виде численного сокращения войск, в настоящее время с лихвой компенсируя насыщением армий военно-техническими средствами; тоже самое относится, конечно, и к аэропланам, находящимся в резерве.

Приглашая Подготовительную комиссию вернуться, по крайней мере, к трем вопросам, которые я только что перечислил, советская делегация имеет, при этом, также ввиду известные изменения, которые произошли в составе самой Подготовительной комиссии, отчасти вследствие прихода новых правительств к власти в некоторых странах, а также изменения взглядов на вопросы, обсуждавшиеся в Комиссии со стороны некоторых других правительств, ранее в ней представленных. Недавно мы слышали от представителей правительств некоторых больших государств официальные речи по вопросу о разоружении, далеко не совпадающие с взглядами, выраженными представителями этих же государств в Подготовительной комиссии. Мы должны дать этим правительством случай привести речи и голосования их представителей в Подготовительной комиссии в соответствие с общим направлением публичных и официальных заявлений этих правительств.

Советская делегация ограничивается предложением пересмотреть минимальное число вопросов. Однако, вторичное отрицательное решение этих вопросов лишит советскую делегацию всякого интереса к большинству прочих вопросов повестки дня, совершенно не связанных с вопросами о разоружении или о сокращении вооружений.

II.

ВОЕННЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЫ.

Приступив со второго заседания к постатейному слушанию своего проекта конвенции и откладывая до третьего чтения предложения, касающиеся пересмотра уже принятых в 1929 г. статей, Подготовительная комиссия начала с рассмотрения отложенных в 1929 г. вопросов о личном составе флота.

Советская делегация, указав на наличие в некоторых странах частных или полуофициальных образований, принадлежащих к различным политическим партиям или группам, настояла на сохранении таблицы, выделяющей личный состав морских образований, организованных по военному.

Главная часть прений этого заседания была посвящена вопросу о военных профессионалах флота, ограничение численности которых было в свое время предложено французской делегацией.

Советская делегация предлагала, кроме общего сокращения личного состава флота, выделить еще две группы военных профессионалов: группу офицеров и группу унтер-офицеров и прочих сверхсрочно-служащих, прослуживших более известного времени—самого длинного из сборов обязательной морской службы. При этом делегация СССР, повторяя сказанное ею на сессии 1929 г., указала на важность вопроса о военных профессионалах вообще и на недопустимость уступок за счет дела разоружения.

Лорд Сесиль указал на трудности ограничения военных профессионалов флота и просил высказаться делегата САШ и делегата Японии, которые таковое ограничение отклонили, при чем последний предложил заменить ограничение гласностью.

Советское предложение не было принято комиссией, которая в качественном итоге удовольствовалась только общим ограничением личного состава флота без выделения военных профессионалов. Французская делегация в свою очередь сделала оговорку о том, что в таком случае следует отказаться и от выделения военных профессионалов сухопутной армии и воздушного флота, ставя тем самым перед будущей конференцией вопрос об отказе от какого-либо ограничения военных профессионалов вообще.

№ 2.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЕЛЕГАЦИИ СССР О ВОЕННЫХ ПРОФЕССИОНАЛАХ МОРСКОГО ФЛОТА (статья Н[9]) главы I проекта 1927 г.).

7 ноября 1930 г. док. № 224.

Принимая во внимание, что увеличение сверх существующей пропорции офицеров, унтер-офицеров и вообще моряков, остающихся на действительной службе по истечении срока службы, принятого в соответственных флотах, облегчит развертывание морских сил при мобилизации, позволяя, кроме прочего, использование военными флотами—торгового тоннажа,—советская делегация предлагает ввести в статью Н следующий абзац:

«Таблицы, относящиеся к морским вооружениям, предусмотренные в статье А, будут указывать по отдельности максимальную численность: 1) офицеров, 2) унтер-офицеров вместе с численностью моряков, остающихся на действительно службе по истечении срока, принятого в их флотах [10]),—каковую численность высокие договаривающиеся стороны обязуются не превышать».

№ 3.

РЕЧЬ ТОВ. ЛИТВИНОВА О ВОЕННЫХ ПРОФЕССИОНАЛАХ МОРСКОГО ФЛОТА.

2-ое заседание, утром, 7 ноября 1930 г.

Мы выдвинули предложение установить отдельные таблицы для офицеров, унтер-офицеров и сверхсрочнослужащих флота, потому, что они могут также заменять офицеров во время войны. Я рад констатировать известную степень согласия с французским делегатом. Надеюсь только, что он не проявит слишком большой готовности к компромиссу. Я не против уступок, но предпочитал бы уступки со стороны тех, кто противится тем или иным мерам разоружения.

Выдвигая наше предложение, я менее всего руководствуюсь тем, что оно коснется крупных морских стран более, чем моей страны. Выставленное советской делегацией предложение, вызвано только желанием получить максималь-

[9]) Статья Н выпала из проекта, составленного на сессии 1930 г., и ее заменили таблицы VI и VII гл. А, части I. (Прим. перев.)

[10]) Это выражение имеет ввиду рядовых моряков, остающихся на действительной службе на срок, превышающий срок обязательной службы во флоте страны, где срок фактический действительной военной службы самой длинный. (Примечание в тексте советского предложения.)

ное сокращение вооружений и максимальное распространение этого сокращения на все военные элементы. Это конечно не самоцель, а только средство задруднения ведения войны.

Неограничение числа офицеров и унтер-офицеров значительно облегчает мобилизацию ив сдение войны—это вне сомнения. Однако данное замечание относится не только к личному составу флота, но также к сухопутному и воздушному личному составу. Поэтому советская делегация делала то же предложение при обсуждении в этой комиссии вопросов о сухопутном и воздушном личном составе.

В дополнение к аргументам французского делегата я хотел бы отметить, что некоторые крупные державы имеют в мирное время известное число кораблей в резерве с сокращенным контингентом; эти корабли могут быть легко приведены в военное состояние, если найти офицеров. Опыт последней войны показывает, что для армии и флота легче найти рядовых, чем офицеров и унтер-офицеров. Поэтому важнее ограничить таковых, чем рядовых.

Я напоминаю Вам, что, например, во время последней войны тральщики из рыболовных судов не могли производить известных операций под огнем до тех пор, пока на них не было офицеров и унтер-офицеров. Я могу сослаться на пример форсирования Дарданелл. По такого рода соображениям нужно специально предусмотреть сокращение численности офицеров флота, так же как и в сухопутных и воздушных силах. Лорд Сесиль не убедил меня в необходимости отличия между сухопутными, морскими и воздушными силами, В этом отношении я не согласен также и с г. Массигли, который, мне кажется, во время начальной части шестой сессии настаивал на том, чтобы воздушный личный состав был ограничен глобально. Может быть, когда мы будем снова обсуждать другие части конвенции, он согласится с тем, что в отношении воздушных и сухопутных сил должно быть предусмотрено то же, что мы предлагаем теперь для морских сил.

III.

СРОК ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ.

Рассматривая главу о личном составе, Комиссия разоружения уделила большое внимание вопросу об ограничении срока военной службы.

Германская делегация, не возбуждая вновь вопроса об ограничении военнообученных резервов, отрицательно решенного в 1929 г., защищала необходимость вместе с ограничением срока службы ограничить и ежегодный контингент призываемых. Германская делегация предлагала также воспретить состояние на учете лиц, военные обязательства которых истекли. Таким образом германское предложение являлось известное рода компромиссным решением вопроса о военнообученных резервах, которое не затронуло бы лиц, уже отбывших военную службу, но ограничивало бы число ежегодно призываемых новобранцев и, тем самым, дальнейший рост военнообученных резервов. Советская делегация, (более решительное предложение которой о военнообученных резервах должно было слушаться только в третьем стении), поддержало германское предложение. В то же время, указав в ходе прений на приемлимость для СССР ограничения срока обязательной военной службы, делегация остановилась на связи между сроком службы и численностью военнообучечных резервов, которые, оставаясь неограниченными, могли бы возрасти от сокращения одного срока военной службы.

Предложение ограничить ежегодный контингент не было принято Комиссией, которая занялась исключительно ограничением срока военной службы.

Дискуссия вращалась вокруг различных деталей этого вопроса. Одним из конкурировавших предложений было британское и аналогичное с ним польское предложение о том, чтобы максимальный предельный срок обязательной военной службы был для всех государств единым. В итоге прений статья о сроках обязательной военной службы разрослась в отдельную главу, определяющую различные стороны этого вопроса, кроме продолжительности предельного срока службы, установление которого было оставлено конференции.

№ 4.

ЗАЯВЛЕНИЕ Т. ЛИТВИНОВА О СВЯЗИ СРОКА ВОЕННОЙ СЛУБЖЫ С ЧИСЛЕННОСТЬЮ ОБУЧЕННЫХ РЕЗЕРВОВ И О ГЕРМАНСКОМ КОМПРОМИССНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ.

3-е заседание, утром, 8 ноября 1930 года.

Советская делегация не может придавать большое значению предложению об ограничении срока действительной военной службы, поскольку комиссия не решит ограничить численность обученных резервов. Поскольку они не ограничены, мы не видим какое значение имеет продолжительность срока службы. Действительно, чем короче срок службы, тем больше может быть число лиц, способных носить оружие, прошедших через действительную военную службу. Только, если комиссия решит ограничить обученные резервы, вопрос о сокращении срока службы получит какое либо значение. Так что, если конференция согласится ограничить обученные резервы, мы, конечно, поддержим предложение о сокращении срока службы.

Что касается германского предложения, то кажется, что проблема обученных резервов была бы частично разрешена снятием с учета всех способных носить оружие лиц, военные обязательства которых истекли. Этим путем мы сократим число обученных резервов в каждой стране. Это не будет значительным сокращением, но это все таки что-то и предотвратит бросание в войну целых наций, включая даже стариков.

Ввиду того, что мы всегда готовы поддержать всякое предложение, имеющее целью уменьшение возможности и размаха войны, советская делегация готова поддержать германскую поправку полностью.

№ 5.

ЗАЯВЛЕНИЕ т. ЛИТВИНОВА О ПОЛЬСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ СРОКА ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ.

3-е заседание, утром, 8 нобря 1930 г.

Я внимательно выслушал ораторов, говоривших в пользу польского предложения, но я не вижу какое отношение это имеет к вопросу о разоружении. Я надеюсь, что председатель извинит меня за употребление этого слова, вопреки его предупреждению в вступительной речи, что в этой комиссии не надо говорить о разоружении. Однако, комиссия еще не изменила своего названия—Комиссия по подготовке конференции по разоружению.

В последнее время во многих странах, и как раз наиболее милитаристических, обнаружилась тенденция сократить срок действительной службы; но нисколько не по соображениям разоружения, а ради экономии и технических удобств и улучшения армий и, возможно, для увеличения численности своего личного состава. Как я уже указывал, по-моему, чем короче срок действительной службы, тем больше может быть число людей, прошедших действительную военную службу. Приняв польское предложение, я думаю, мы не двинем вперед дело разоружения или сокращения, ни даже ограничения вооружений. Это предложение само по себе могло бы быть довольно безвредным, если бы комиссия приняла какие-либо меры для действительно реального сокращения вооружений, но я очень опасаюсь, —судя по впечатлению от сегодняшних речей,—что нам вряд ли придется надеятся на какое либо реальное решение о сокращении вооружений в этой комиссии. Если бы проект конвенции состоял только из таких невинных и безобидных предложений, как польское, он мог бы создать ложное представление о работах комиссии; а чтобы мы здесь ни делали, я думаю, широкие массы должны понимать то, что делалось. Не должно быть иллюзий и маскировки; народ должен видеть недостатки работ комиссии, а, мне кажется, что такое предложение, как польское, может завуалировать недостатки. По этим соображениям я считаю, что предложение польской делегации скорее вредно, чем безвредно.

№ 6.

ЗАЯВЛЕНИЕ т. ЛИТВИНОВА О ПРИЕМЛЕМОСТИ ДЛЯ СССР ОГРАНИЧЕНИЯ СРОКА ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ.

4-е заседание, утром, 10 ноября 1930 года.

Я не хотел бы создавать у делегатов впечатления, что советская делегация против британской и польской поправок, как таковых. Это не так. Если бы советскому правительству было предложено сократить срок службы независимо от того, что имело место здесь, мы конечно, отнеслись бы к этому благожелательно, тем более, что половина советской армии состоит из территориальных частей. Эта система, весьма сходная с швейцарской милиционной системой, с коротким сроком службы в 3 месяца в первый год и одним месяцем в последующие годы. Таким образом мы не имеем оснований возражать против поправки. Если я выступаю снова, то потому, что опасаюсь, что это может быть единственно, что сделает комиссия на пути разоружения.

Если комиссия пересмотрит вопрос об организации обученных резервов и военного материала и если будущая кон-

ференция примет такое ограничение, я буду голосовать за сокращение срока службы, но, так как я не уверен, что подобная мера будет принята комиссией или конференцией, я воздержусь от голосования. Я хочу только сделать ясной позицию советской делегации.

IV.

ВОЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ.

Начиная с пятого заседания, Комиссия разоружения обсуждала вопрос о военных материалах сухопутных войск. Резолюция, принятой Комиссией 4 мая 1929 г., указывала, что ограничение этого материала надо искать в гласности. Ограничение его—т. наз. «прямой метод»—было отвергнуто. В то же время резолюция константировала, что ограничение расходов на материал—т. наз. «косвенный метод»—не могло собрать большинства. Хотя косвенный метод относился к ограничению военных бюджетов, Комиссия разоружения обсуждала этот вопрос при рассмотрении главы о сухопутных материалах.

При этом, отступив от принятого вначале правила пересматривать уже принятые решения только после окончания второго чтения статей, не рассмотренных в 1929 г., —Комиссия стала пересматривать свою прошлогоднюю резолюцию.

Итальянский делегат де Маринис произнес большую речь об опасности положения и необходимости ограничения запасов оружия. Равным образом на тему о важности ограничения материалов говорил и лорд Сесиль.

Однако, в дальнейшем он внес—легшее в основу дискусии -предложение, состоящее только из трех следующих пунктов: 1) о гласности, 2) о желании найти еще иной метод и 3) о том, что большинство Комиссии стоит за ограничение расходов на материал, тогда как другие стоят за ограничение материала и третьи за то и другое вместе.

Последнее предложение исходило от советской делегации, предлагавший сперва решить этот вопрос принципиально, а затем рассмотреть соответственные таблицы. Такие таблицы были в свое время предложены германской делегацией и в более детализированной форме—советской делегацией, но были отвергнуты Комиссией на сессии 1929 г. Сходное предложение о комбинированном ограничении военных материалов было сделано также и итальянским делегатом.

Дискуссия закончилась включением статьи о бюджетном ограничении сухопутных материалов в текст конвенции, а

двух других прямого и комбинированного—в примечание к этой статье, оставляя таким образом вопрос по существу в том положении, в каком он находился в 1929 г.

№ 7.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О ВОЕННЫХ МАТЕРИАЛАХ, ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ДЕЛЕГАЦИИ СССР (часть II проекта 1927 г).

13 ноября 1930 г., док. № 237.

Подготовительная Комиссия решает, что единственным действительным средством сокращения и ограничения военного материала является прямое ограничение всех видов военного материала согласно детализированных таблиц, так же как и бюджетное ограничение по категориям. Оба метода должны применяться одновременно во всех странах.

№ 8.

РЕЧЬ т. ЛИТВИНОВА О ВОЕННЫХ МАТЕРИАЛАХ.

6-ое заседание, утром, 12 ноября 1930 г.

Выдвинув на первом заседании нынешней полусессии предложение о пересмотре вэопроса о сухопутных вооружениях, я, между прочим, указал на возможность известного изменения к настоящему времени делегациями некоторых государств своей точки зрения по данному вопросу. Я рад констатировать, что эти возможности ныне реализованы, как о том свидетельствуют заявления лорда Сесиля и ген. де-Мариниса. В этом, нельзя не усматривать, некоторой победы общественного мнения, которое ясно представляет себе невозможность разрешения проблемы разоружения без сокращения военных материалов. Значительное число делегаций, согласившись на пересмотр этого положения, признало этим огромную важность вопроса о сокращении военных материалов в качестве фактора общей проблемы сокращения вооружений. Однако, открытие дискуссии, само по себе, не разрешает еще вопроса и не оправдывает ожиданий общественного мнения, если дискуссия не приведет к радикальному изменению решения, принятого в этой области во время первой части нынешней сессии. Я позволю себе поэтому выразить надежду, что ораторы, вчера так красноречиво выступавшие в пользу сокращения военных материалов, будут до конца следовать высказанным ими мнениям и соответственно будут голосовать, независимо от того, удастся ли добиться единогласия или нет.

Полезно напомнить, что и на прошлогодних заседаниях нынешней сессии как будто не было открытых противников сокращения вооружений. Спор тогда шел, главным образом, вокруг вопроса о том, следует ли произвести сокращение прямым путем или косвенным путем ограничения военных бюджетов. А так как друг друга делегаты убедить не смогли, то Комиссия не нашла лучшего решения, как отказаться от какого бы то ни было сокращения вооружений.

Необходимо признать открыто, что ранее принятое решение, которое мы в настоящее время пересматриваем, означало ни что иное, как отказ от какого бы то ни было сокращения материалов, ибо, как я это указывал еще в прошлом году, а вчера подтверждал лорд Сесиль, гласность не гарантирует сокращения или даже ограничения вооружений. Отсылка всякого вопроса к статье о гласности стала уже традицией для нашей Комиссии в тех случаях, когда не удается добиться какого-нибудь положительного и ясного решения. Мы на-днях имели случаи убедиться в этом при обсуждении вопроса о составлении таблиц личного состава флота, когда противники этих таблиц предложили заменить положительное решение отсылкой к гласности. Гласность стала, таким образом, своего рода «призом утешения».

Во всяком случае, я рад отметить, что лорд Сесиль также признал невозможность ограничения военных материалов путем одной гласности и что выступавшие до меня ораторы лишь сводили спор к тому, какой метод является наилучшим: прямой ли метод сокращения вооруженных сил по определенным таблицам или же косвенный метод сокращения военных бюджетов. Несомненно, каждый из этих метродов имеет свои преимущества и недостатки, хотя, если бы мне необходимо было обязательно выбирать между этими двумя методами, то я не колеблясь отдал бы предпочтение прямому методу. Чтобы не повторять своих собственных ранее высказанных аргументов, а также аргументов, приведенных ген. Маринисом и лордом Сесилем, я укажу дополнительно хотя бы на то, что при бюджетном ограничении в наименее выгодном положении очутились бы наиболее слабые в индустриальном отношении страны, интересы которых должны быть особо ограждены Конференцией по разоружению. Нельзя отрицать, что небольшие страны, не имеющие своей собственной военной промышленности и зависящие в этом отношении от других государств, смогут на определенное количество денег приобрести количественно меньше и менее усовершенствованных средств обороны, чем более крупные индустриальные страны. Уже вследствие факта отсутствия у более слабых стран собственной промышленности они не в состоянии производить новых опытов и своевременно использовывать результаты этих опытов в той мере, в какой

будет доступно другим государствам — даже при одинаковом сокращении бюджетов тех и других. Это неудобство в значительной мере, хотя и не полностью, может быть устранено при прямом перечислении орудий войны, подлежащих сокращению во всех странах, и по этим соображениям советская делегация предлагает детализированные таблицы военных материалов.

Однако, для советской делегации не стоит вопрос о необходимости выбирать один из двух методов сокращения военных материалов, так как мы всецело стоим за одновременное принятие обоих методов, и тут я опять согласен с лордом Сесилем в том, что один метод не исключает другого. Именно потому, что ни один из этих методов не может нас полностью удовлетворить и что ни один из них не допускает надлежащего контроля,—мы должны принять оба метода, чтобы преимущества одного компенсировали недостатки другого. Советская делегация идет дальше, утверждая, что наиболее полный контроль дало бы принятие и еще одного третьего метода, а именно сокращения обученных резервов. Но на этом третьем методе я сейчас останавливаться не буду. Я скажу лишь то, что даже при сокращении численного состава вооруженных сил, включая резервы, нельзя было бы обойтись без сокращения военных материалов и военных бюджетов. Насколько же большее значение приобретает сокращение последних двух категорий, если Комиссия будет настаивать на оставлении в неприкосновенности резервов.

Чтобы не спутывать, однако, стоящего перед нами сейчас вопроса, я предложил бы пока сосредоточится на вопросе о сокращении военных материалов, как это предполагалось при первом чтении проекта конвенции. В связи с этим я хочу напомнить, что в Комиссии имеется два предложения—германское и советское—отличающиеся друг от друга лишь меньшей или большей детализацией таблиц. Если память мне не изменяет, германская делегация в свое время согласилась принять советский более детализированный проект таблиц. Возражения лорда Сесиля против прямого метода сокращений, с точки зрения затруднительности сравнения различных боевых ценностей тех или иных средств вооружений, могут быть в значительной мере устранены подробным перечислением в таблицах этих средств. Однако, прежде, чем перейти к обсуждению этих таблиц, необходимо принять некое общее принципиальное решение о принятии или отклонении прямого метода сокращения военных материалов. В случае положительного решения этого вопроса можно будет перейти к обсуждению таблиц и возможных поправок к советско-германскому предложению. Я не буду возражать против того, чтобы после этого сейчас же было приступ-

лено к обсуждению вопроса о бюджетном сокращении, хотя мне казалось бы более логичным, чтобы эта дискуссия была отсрочена до обсуждения третьей главы, статьи ДА, которая должна охватить бюджетные сокращения не только военных материалов, но и других элементов вооружений. Затем мы сможем еще в соответственное время обсуждать и вопрос о гласности в применении к военным материалам, который приобретает тогда значение некоторого контроля, но который никогда—я не могу с достаточной настойчивостью напоминать об этом—не может быть заменой самого сокращения или ограничения.

Я отлично отдаю себе отчет в том, что нашим аргументам будет противопоставлено еще одно соображение, которое к сожалению, всегда служило главным тормозом в работах Подготовительной комиссии, а именно указание на решительное возражение той или иной делегации против того или иного метода сокращения. Это соображение слишком часто заставляло комиссию итти по линии наименьшего сопротивления и соглашаться на отрицательные результаты. Если Комиссия попрежнему будет стремиться непременно к достижению единогласия по всем вопросам и любой ценой и если под единогласием будет пониматься ни что иное, как согласие между несколькими крупными державами, независимо от позиции других государств, то Комиссия попрежнему обречет на бесплодие все свои работы.

Необходимо помнить, что комиссия ничего еще не решает и никаких обязательств ни на кого не налагает; она лишь подготовляет материал для будущей Конференции по разоружению. Мне кажется, что работа Конференции будет значительно облегчена и стимулирована, когда ей будет представлен проект конвенции, заключающий в себе действительные меры сокращения вооружений, если даже некоторые державы сохранят свои оговорки по отдельным вопросам. Единогласно принятого проекта конвенции все равно составить не удастся, о чем ясно свидетельствуют многочисленные заявления, уже сделанные в Подготовительной комиссии. Пусть в таком случае оговорки исходят от тех государств, которые противятся той или иной мере сокращения вооружений. Изолированные таким образом со своими оговорками, эти государства смогут, под давлением общественного мнения, изменить свою позицию ко времени созыва Конференции, и тогда возможно будет достигнуть единогласия на счет максимальных — а не минимальных — мер разоружения. Подготовительная комиссия окажет плохую услугу делу разоружения и делу мира, если она вместо этого будет стремиться к тому, чтобы покрывать государства, делающие оговорки, и ограждать их от суда общественного мнения.

Я говорю здесь с полной откровенностью, нисколько не дипломатичная, думая ни о чем другом, как об интересах разоружения, так как советская делегация в этом серьезнейшем для человечества вопросе в этот критический момент не может говорить иначе.

Я кончаю повторным выражением надежды, что делегации, до сих пор высказывавшиеся за сокращение военных материалов, будут последовательны до конца и не пойдут ни на какие компромиссы за счет действительного разоружения или сокращения вооружений и что мы в этом серьезнейшем из обсуждений в Комиссии вопросов придем к ясному и положительному решению.

№ 9.

РЕЧЬ т. ЛИТВИНОВА ПО ПОВОДУ ПРОЕКТА РЕЗОЛЮЦИИ ЛОРДА СЕСИЛЯ О ВОЕННЫХ МАТЕРИАЛАХ.

7-ое заседание, утром, 13 ноября 1930 г.

Предложение Британской делегации действительно является новым для порядка этой Комиссии. Конечно, советскую делегацию не приходится обвинять в излишней приверженности к старым традициям и старым методам. Она готова принять новые правила, поскольку они ведут к выяснению известных вопросов, что—я опасаюсь—не имеет место в данном случае. Мы обсуждали вопрос об ограничении вооружений и дискуссия вращалась вокруг вопроса о принятии метода, прямого или косвенного. Подводя итог этой дискуссии надо сказать, что комиссия колеблется высказаться, какой из этих двух методов она предложит будущей Конференции по разоружению. Я почтительно спрашиваю лорда Сесиля содержится ли ответ на этот вопрос в представленном им предложении?

Первый пункт (британского предложения) касается гласности. Для того, чтобы советская делегация могла голосовать за это она должна была бы знать, что в точности решено относительно ограничения и сокращения вооружений. Гласность сама по себе не имеет какого либо смысла. Эта комиссия должна обсудить вопрос об ограничении и сокращении воружений, а не другие вопросы. «Гласность», как я неоднократно отмечал, не означает ни «сокращения», ни «ограничения». Если мы принимаем известный метод сокращения вооружений, то автоматически может потребоваться давать известные сведения, в качестве меры контроля или средства осуществления решения о разоружении. Я опасаюсь, что когда мы дойдем до остальной части резолюции, то, если мы отрицательно разрешим вопрос о сокращении

вооружений, в результате останется один обмен сведениями. Поэтому, советская делегация не может принять первый пункт в настоящий момент, хотя я ничего не могу сказать против гласности в связи с сокращением вооружений.

Я перехожу к следующему пункту британского предложения, а именно, что он «отмечает единогласное желание членов комиссии найти какой-либо метод, который бы предусматривал ограничение военных материалов более точно, чем это может быть достигнуто одной гласностью». Общественное мнение и наши народы, пославшие нас сюда, желают знать не то, каковы чувства и желания членов комиссии. Они не желают знать того, что все члены комиссии полны лучшими чувствами и желаниями и идеалом и что из них же исходят наши правительства. Народ желает знать, что мы делаем по пути разоружения. Мы выслушали слишком много речей, неизменно начинающимися словами: «В принципе я согласен с этим предложением,—в принципе я стою за радикальное ограничение вооружений». А затем оратор говорил—«...но мы не можем принять его по таким и таким то причинам». То, что общественное мнение желает как раз знать, это каковы те государства, у которых имеются основания отвергать идею сокращения вооружений. Это то, что имеет первостатейный интерес для мира, а не то, чем мы «вдохновляемся».

Я думаю бесполезно отмечать в резолюции, что «единогласным желанием всех членов комиссии является найти какой либо метод»..., так как никто не хочет этого отрицать. Я думаю, что мы не найдем никого, здесь или не здесь, кто стоял бы за вооружения, как таковые, и кто был бы в принципе против сокращения вооружений. Но вопрос в том, хотим ли мы, можем ли мы найти метод сокращения вооружений или нет? Поэтому недостаточно сказать, что мы имеем «желание». Мы должны иметь возможность сказать что мы нашли этот метод, а данная резолюция показывает, что мы не нашли никакого метода. По этим соображениям, советская делегация отвергает второй пункт этой резолюции.

Перехожу к третьему прнкту. Я не скажу, что имевшие место дискуссии были вполне убедительны. Многие ораторы заявляли вчера, что против метода прямого сокращения вооружений не было приведено никаких аргументов. Игнорируя приведенные аргументы вы не можете еще сделать их несуществующими, потому что они существуют независимо от того, игнорируют их или нет. Мне кажется, что я вполне ясно показал, что сокращение вооружений путем ограничения бюджетов может поставить малые, индустриально неразвитые страны в весьма невыгодное положение. Я думаю, что этот довод должен быть убедительным, хотя все ораторы его игнорировали. Никто не сможет убедить нас, что

индустриально неразвитые страны, могут при тех же ресурсах достигнуть тех же результатов, что и более крупные страны. Но главный довод, который был выставлен (не столько на этот раз, как во время первой части этой сессии), тот, что путем бюджетного ограничения мы не коснемся запаса существующих вооружений; я продолжаю поддерживать то положение, что существующие в настоящее время во многих странах вооружения, даже если к ним ничего не прибавлять, могут послужить для большой войны и для убийства миллионов людей.

Если мы ограничим только бюджет на будущее и оставим не затронутыми все вооружения, существующие в настоящее время, мы ничего не сделаем для уменьшения шансов войны. Этот довод—самый важный—был также откинут в сторону, но я думаю, что он окажется очень убедительным за пределами этого зала.

Третий пункт гласит, что «большинство комиссии считает, что для сухопутных вооружений самым целесообразным методом такого более точного ограничения является бюджетное ограничение». Это может быть верно и не верно. Я не имею средства измерять мнения этой комиссии. Если мы будем голосовать и большинство выскажется против метода прямого ограничения, мы будем знать результат. Затем «другие члены комиссии считают, что самым практическим «методом является метод прямого ограничения при посредстве специального перечня[53]) и что известное число членов комиссии желало бы рассмотреть некую комбинацию обоих методов». Мне не совсем ясно это. Советская делегация предложила одновременное применение обоих методов: прямого ограничения и также сокращения бюджетных расходов на те же вооружения, потому что мы считаем, что каждый из этих методов сам по себе недостаточен; поэтому мы хотим восполнить один метод другим. Я не уверен, что другие делегации, говорившие о двух методах, имели в виду то же самое. Чтобы привести это в ясность мы составили нашу резолюцию следующим образом:

«Подготовительная Комиссия считает, что единственным действительным методом ограничения материала, является прямое ограничение всех видов военных материалов, согласно детализированных таблиц так же как и бюджетное ограничение по категориям. Оба метода должны применятся одновременно во всех странах».

Мне кажется, что мы сделали наше предложение вполне ясным.

Что касается резолюции, представленной итальянской делегацией, я готов поддержать третий пункт резолюции,

---

[53]) Категорий вооружений. (Прим. перев.)

если генерал де Маринис уверит нас, что имеет в виду то же самое одновременное применение обоих методов: что все страны должны применять оба метода. В этом случае я готов голосовать за третий пункт итальянского проекта резолюции и в то же время возражаю против двух пунктов, совпадающих с британским предложением.

V.

МОРСКИЕ ВООРУЖЕНИЯ.

Закончив на 10 заседании слушание вопроса о сухопутных вооружениях, Подготовительная комиссия перешла к морским вооружениям, которым посвятила еще пять заседаний в качестве морской подкомиссии.

За основу для обсуждения был взят проэкт государств, участников Лондонской морской конференции: Великобритании, Франции, Италии, США и Японии, а так-же двух доминионов, представленных в Подготовительной комиссии,— Ирландии и Канады.

Проэкт семи государств переносил в проэкт конвенции о разоружении с небольшими изменениями положения Вашингтонского и Лондонского морских договоров, не касаясь, однако, количественных размеров флотов и употребляя неопределенный термин «ограничение».

Кроме того, в соответствии с указанными договорами в проэкте семи государств предусматривалось; освобождение от всякого ограничения ряда военных кораблей в силу определенных признаков и, кроме того, кораблей, «специального назначения», поименно перечисленных; исчисление водоизмещения без учета топлива и котельной воды, что искусственно преуменьшало тоннаж кораблей; высокие предельные элементы кораблей—тоннаж и артиллерия—равняющиеся по крупнейшим из существующих кораблей; допущение приспособления торговых судов для вооружения их пушками до 6 дюймов с целью обращения их в военные корабли.

Что касается основного спорного вопроса о том ограничивать ли флоты только по общему (глобальному) тоннажу или же еще и по каждой категории военных кораблей, то проэкт семи государств устанавливал: в статье А, глобальное ограничение всего флота, каждого государства[12]), как на том настаивали французы, а в статье Б—ограничивая по отдельности тоннаж в пределах каждого класса, как на том настаивали англичане, но повторяя формулу французского компромиссного проекта, что каждое государство

---

[12]) С изъятием некоторых кораблей от всякого ограничения и с искусственным преуменьшением водоизмещения, отмеченными выше.

само указывает, как оно считает нужным распределить свой тоннаж. Таким образом, хотя после указания этого распределения оно становилось обязательным, все же само распределение, казалось, было оставлено усмотрению каждого государства, которое должно было только сделать об этом декларацию. Наконец статья С, допускала, после вступления в силу конвенции, перенесение (трансфер) части тоннажа из одной категории в другую с извещением других участков и в рамках, указанных в особой таблице (таблица III). Последняя, однако, оставалась в проэкте семи держав незаполненной. Советская делегация противопоставила этому проэкту, систему советского проэкта конвенции о сокращении вооружений: пропорциональное сокращение по категориям без права трансфера для больших флотов (более 200.000 тонн) и только глобальное без разделения по категориям для прочих стран (с флотами менее 200.000 тонн); сильное понижение предельных элементов военных кораблей (водоизмещения и артилерии); учет топлива и котельной воды при определении водоизмещения корабля; отнесение к кораблям не подлежащим ограничению, только самых мелких кораблей; полное воспрещение иметь еще поименно перечисленные суда, не учитываемые ни в какой категории; недопустимость вооружения торговых судов. Во время дискуссии советская делегация защищала каждое из этих положений.

Наибольшее значение имела дискуссия по поводу предложения советской делегацией ввести в конвенцию указание на «сокращение». При потребованном, с советской стороны поименном голосовании слово «сокращение» было восприняято. Однако, сейчас-же за этим оно было обесценено французской поправкой, поддержанной британской делегацией, сказать о сокращении «поскольку возможно». В таком виде эта формула была затем добавлена в британское предложение об ограничении морских бюджетов и потом распространена на всю конвенцию.

Советское предложение установить льготный режим для малых флотов, встретило отклик небольших морских держав. Однако после проработки в подкомиссии соответственная таблица статьи С (таблицы III), указывающая в каких же пределах можно производить трансфер и, каким образом, являющаяся ключем к решению спора о глобальном или категорийном методе, так и осталась незаполненной. Все же к этой таблицы было добавлено примечание, из которого один пункт говорил об индивидульном подходе к каждому флоту, но два другие устанавливали: полную свободу трансфера т. е. глобальный метод—для малых флотов (ориентировочно было указано 100.000 тонн по предложению шведской делегации) и понижение размеров трансфера обратно пропорциональной величине общего тоннажа.

Лишив таким образом ясности и основного содержания те из советских предложений, которые Подготовительная комиссия не могла прямо отвергнуть, и избежав решения вопроса о предельных элементах кораблей указанием, что даваемые в проекте цифры тоннажа водоизмещения и калибра артиллерии, проводится как примерные, комиссия отклонила остальные советские предложения.

Что касается этих последних, то их было три. Первое советское морское предложение (помещенное в конце настоящего издания см. № I) относились к трем статьям проекта 1927 г. Оно было мотивировано. С представлением проэкта семи делегаций оно было заменено вторым советским предложением, в которое вошли поправки к двум статьям—о водоизмещении и вооружении торговых судов,— содержавшиеся в первом предложении; вопрос о третьей поправке—о скидке с тоннажа за устареваемость отпал, т. к. соответственная статья не была включена в проэкт семи делегаций. (Первая половина второго советского предложения, касающегося метода сокращения и деления на категории флотов, предельных элементов и вооружения торговых судов, приведена ниже под № 10, тогда как вторая половина этого предложения, более технического характера, касающаяся кораблей, не подлежащих ограничению, определения линейного корабля, водоизмещения и сроков службы кораблей, приведена в конце настоящего издания под № II). Третье советское морское предложение являлось видоизменением одной из статей второго советского предложения, говорящего о «пропорциональном сокращении существующих флотов» без из'ятия кораблей специального назначения. Т. к. председатель не допустил разделения этого предложения, то советская делегация внесла третье предложение в виде двух поправок: о сокращении и о кораблях специального назначения (см. № 11).

Самое обсуждение морского вопроса началось с небольшой дискуссии о том, рассматривать ли статьи А, Б и С проекта семи держав поотдельности или одновременно.

Дальнейшие прения и соответственные выступления советской делегации, (неоднократно ссылавшейся при этом на отрицательный пример лондонского договора, и на заявления, делавшиеся на лондонской конференции, акты которой—«синяя книга»—были разосланы комиссии), касались то одной, то другой стороны проблемы: сокращения вооружений (см. №№ 13, 14, 15); пропорционального сокращения (№ 12); установления для крупных флотов категорийного ограничения, а для меньших—глобальная, как более льготного (№№ 12, 13, 17), в честности из'ятий для Персии (№ 19); судов, не подлежащих ограничению (№№ 12, 13, 16, 23); значительного понижения размеров линейных кораблей (№ 18) и подводных

лодок (№ 21), а также упразднения авианосцев (№ 20); вооружения торговых судов (№ 22); водоизмещения (№ 24); ограничения военно-морских бюджетов (№ 25). При этом в двух случаях выступал морской эксперт делегации СССР т. Анципо-Чекунский.

В одном из выступлений тов. Литвинов, затронул вопрос о Бизертском флоте, причем г. Лоудон, прервав его речь, пытался не допустить возбуждения этого вопроса (см. № 17).

№ 10.

ВТОРОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЕЛЕГАЦИИ СССР О МОРСКИХ ВООРУЖЕНИЯХ (контр-проект к предложению семи государств) [13]**.**

13 ноября 1930 г. док. № 239.

Статья А. Высокие договаривающиеся стороны соглашаются сократить на.......% существующий тоннаж, ограничивая цифрами, установленными в таблице I, общий (глобальный) тоннаж своих военных кораблей иных, чем корабли, не подлежащие ограничению, (указанные в приложении I).

Эти цифры указывают тоннаж, который не будет превышен за время, пока настоящая конвенция будет иметь силу.

Статья Б. Высокие договаривающиеся стороны, флот которых превышает 200.000 тонн, соглашаются ограничить свой общий тоннаж согласно классов и цифр, установленных в таблице II.

Статья С—Исключить.

---

13) Первые три статьи проекта семи делегаций гласили (разрядкой показаны различия проекта семи делегаций и советского контрпроектам):

Ст. А. Высокие договаривающиеся стороны соглашаются ограничить цифрами, установленными в таблице I, общий (глобальный) тоннаж своих военных кораблей иных, чем корабли, не подлежащие ограничению (указанные в приложении I) и корабли специального назначения, указанные в приложении II.

Эти цифры будут указывать тоннаж, который не будет превышен за время, пока настоящая конвенция будет иметь силу.

Статья Б. Таблица II, указывает, каким образом в течение срока применения настоящей кенвенции, каждая из высоких договаривающихся сторон намеривается распределить по категориям тоннажа общий тоннаж, ограниченный цифрами, указанными для данной стороны в таблице I.

Максимальными пределами водоизмещения и калибра артиллерийских орудий различных категорий будут служить пределы, установленные настоящей конвенцией.

Статья С. В пределах глобального тоннажа, установленного для данной стороны в таблице I, и при отсутствии более строгих ограничений, вытекающих из специальных конвенций, в которых она является или явится стороной, каждая из высоких договаривающихся сторон

Статья Д. Ни один линейный корабль не будет иметь стандартного водоизмещения свыше 10.000 тонн (10.160 метрических тонн) и не будет иметь пушек, калибра выше 12 дюймов (304,8 мм) [14].

Статья Н. Ни одна подводная лодка не будет иметь стандартного водоизмещения свыше 600 тонн (610 метрических тонн) и не будет иметь пушек калибра выше 4 дюймов (101,6 мм.) [15].

Статья М. В мирное время на торговых судах не будет делаться никаких приготовлений для установки вооружений с целью обращения этих судов в военные корабли [16].

№ 11.

ТРЕТЬЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЕЛЕГАЦИИ СССР О МОРСКИХ ВООРУЖЕНИЯХ (поправки к статье А, предложения семи делегаций).

17 ноября 1930 г. док. № 251.

1. После слов: «соглашаются ограничить», добавить слова: «и сократить».

2. После слов «(указанные в приложении I)» исключить слова: «и корабли специального назначения, указанные в приложение II».

№ 12.

РЕЧЬ тов. ЛИТВИНОВА В ЗАЩИТУ СОВЕТСКОГО КОНТРПРОЕКТА СТАТЕЙ О МЕТОДЕ СОКРАЩЕНИЯ ФЛОТОВ.

1-е заседание морской подкомиссии, утром, 17 ноября 1930 г.

Мне было бы несколько трудно ограничиться одной статьей А потому, что статьи А, Б и С, вместе взятые, составляют, по-моему единый метод ограничения морских вооружений.

может изменять распределение тоннажа, указанное ещ в таблице II, с соблюдением следующих двух условий:

1. Для каждой из высоких договаривающихся сторон, распределенные по категориям тоннажи, указанные в таблице II, ни в коем случае не должны превышать цифр, указанных для данной стороны в таблице III.

2. До закладки корабля или кораблей, строящегося или строющихся в счет трансфера тоннажа, другим высоким договаривающимся сторонам будет сообщаться о размерах этого тоннажа в течение срока, установленного для каждой высокой договаривающейся стороны в таблице III.

[14]) В проекте семи делегаций было 35.000 тонн (35.560 метрических тонн) и 16 дюймов (406 мм.).

[15]) В проекте семи делегаций было 2.000 тонн (2.032 метр. тонны) и 5,1 дюйма (130 мм.).

[16]) В проекте семи делегаций после этого следовала еще фраза. . . „однако, будет разрешено подкрепление палуб для установки на них пушек калибра не свыше 6,1 дюйма (155 мм.)“.

Мы не можем говорить об одной статье нашего предложения, не касаясь также и двух других, и я должен говорить по всем трем статьям вместе. Эти статьи, вместе взятые, отражают идею советского предложения.

В этой связи я хотел бы напомнить комиссии, что дискуссия о морских вооружениях откладывалась в течение трех лет в надежде, что происходящие морские переговоры между некоторыми государствами помогут нам превозмочь встретившиеся в комиссии трудности. Мы дождались исхода этих морских переговоров и, конечно вправе спросить себя дают ли предложения, содержащиеся в документе 230[17]), действительно решения и устраняют ли они трудности, так долго препятствовавшие комиссии притти к соглашению о морских вооружениях. В предложениях, выдвигаемых семью государствами, я не вижу решений. В конечном итоге—основным был вопрос о том, взять ли глобальный метод ограничения тоннажа или метод ограничения по категориям. А каково положение теперь? Статья А предлагает обязательное глобальное ограничение для всех договаривающихся сторон. Статья Б устанавливает только, что каждая страна должна сама разбить по категориям, разрешенный ей тоннаж. Ясно. что здесь имеется в виду гласность, а не ограничение по категориям. Статья С разрешает каждой стране трансфер дополненный гласностью в течение действия конвенции. Однако, это изменение[18]) ограничено известными пределами, которые не могут быть превышены.

От процента трансфера из одной категории в другую, который будет разрешен, будет зависеть предлагаем ли мы глобальный или категорийный метод. Если, например, будет разрешен 100% трансфер, то не будет никакого ограничения, кроме глобального, в то время, как при жестких цифрах тоннажа и только незначительном проценте трансфера мы будем иметь ограничение по категориям. Проэкт, не указывающий размеров трансфера, практически отвечает, что комиссия передает конференции разрешение проблемы выбора методов, так же как и установление. Пустое место в таблице III показывает, что никакого соглашения о едином методе не было достигнуто даже между самими семью государствами.

Советская делегация считает, что частичное сокращение вооружений не может быть основано на методе индивидуального установления приемлемых для всех размеров. Это метод приводит к огромным, если не неопреодолимым, трудностям. Поэтому, советская делегация предлагает пропорциональное сокращение, с некоторым из'ятием в пользу более слабых стран. Это предложение заключается в советском про-

[17]) Предложение семи держав (Прим. перев.).
[18]) Перераспределение тоннажа путем трансфера. (Прим. перев.).

екте статье А и таблице I. В тоже время оно признает справедливым для крупных морских держав с единообразно составленными флотами, ограничить их по категориям в соответствии с таблицей II, тогда как страны с меньшими флотами, скажем с тоннажем менее 200.000 тонн, будет подлежать только глобальному ограничению. Этот принцип содержится с статье Б и в предложении исключить статью С. Таков основной смысл советского предложения по статьям А, Б и С.

Я должен повторить, что нельзя принять одну статью предложения не приняв в тоже время других статей. Поэтому я предложил бы, чтобы члены делегаций, которые будут говорит после меня, высказывали свое мнение по предложению в целом, не только по статье А, но по всем трем статьям,—как едином методе, касающемся морских вооружений. Мы предлагаем, чтобы крупные морские державы приняли метод сокращения по категориям, а меньшие страны приняли метод сокращения по глобальному тоннажу. Мы провели черту между крупными морскими державами и меньшими странами. Для меньших стран мы предлагаем цифру, не свыше 200.000 тонн. Может быть комиссия пожелает предложить другую цифру, а конференция какую-либо иную цифру. Мы предлагаем не только ограничение, но и пропорциональное сокращение существующих флотов. Я предвижу, что некоторые делегаты, которые не согласятся на принцип пропорционального сокращения, могут предложить какой-либо другой метод,—например прогрессивно-пропорциональное сокращение: чем больше морская держава, тем больше уменьшение ее вооружений,—против чего я не имею возражений.

Я хотел бы прибавить еще несколько слов. Я хочу только сказать, что статья А в предложении семи делегаций (документ 230) отличается в другом пункте от соответственной статьи советского предложения. Эта там, где упоминается, что «высокие договаривающиеся стороны соглашаются ограничить общий (глобальный) тоннаж своих военных кораблей иных, чем корабли, не подлежащие ограничению (указанные в приложении I)». Этого из'ятия[18 а]) не имеется в нашем предложении. Мы не знаем точно, какие корабли будут включены в список неподлежащих ограничению, но некоторое представление может дать Лондонский морской договор. Там имеется составленный список, и, если вы в него заглянете, вы будете поражены размерами из'ятых кораблей. Например общий тоннаж судов, из'ятых по Лондонскому договору, равен 87% итальянского флота. Мы смотрим

18 а) Следовавшего далее в проекте семи делегаций из'ятия кораблей специального назначения. (Прим. перев.).

на это следующим образом: если государство строит такие суда или хочет их сохранить, то оно должно включить их в предоставленный ему глобальный тоннаж.

№ 13.

ОТВЕТ тов. ЛИТВИНОВА НА ВОЗРАЖЕНИЯ ЛОРДА СЕСИЛЯ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО МОРСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И КРИТИКА ЛОНДОНСКОГО МОРСКОГО ДОГОВОРА.

1-ое заседание морской подкомиссии, утром, 17 ноября 1930 г.

Я хочу в первую очередь ответить на возражения лорда Сесиля насчет кораблей специального назначения, остающихся вне имеющихся категорий. Доводы лорда Сесиля не убедительны и я не вижу, почему такие корабли не должны быть ограничены в числе кораблей общей категории легких кораблей. Например, мы имеем в списке кораблей специального назначения, приложенном к Лондонскому морскому договору, корабли, построенные недавно—в 1924 г. Конечно, таковые должны быть так или иначе ограничены!

Затем, как я понял, лорд Сесиль говорил, что невозможно провести какие-либо различия между морскими державами из-за трудности договориться о цифрах, и что если мы возьмем предлагаемую СССР цифру в 200.000 тонн, то государства с 200.000 будут поставлены в иные условия, чем государства, имеющие 199.000 тонн.

Это представляется почти столь же метафизическим, как и проблема о том, когда начинается лысина: после потери двадцатитысячного или двадцатитысячепервого волоса. Естественно, если мы хотим провести различие между морскими державами, мы должны указать какую-то цифру их тоннажа. Шведская делегация так же приводила цифру, а именно в 100.000 тонн. Таким образом, возражение лорда Сесиля должно относиться также и к предложению последней и к испанской поправке, предлагавший поставить икс, подлежащий замене определенной цифрой. Следуя доводам лорда Сесиля, мы должны были бы поставить в одинаковое положение малые и великие державы, против чего как раз возражает советская делегация.

Лорд Сесиль сказал, что мы не можем сократить вооружений, не зная, каковы существующие вооружения. Но мы можем, конечно, получить более или менее точные сведения о существующих вооружениях на основании цифр, приведенных в Военном ежегоднике Лиги наций.

Какова будет наша позиция, если советское предложение о сокращении морских вооружений будет отвергнуто, и мы будем строго придерживаться «ограничения» вооружений? Каков будет тоннаж различных флотов? Некоторую идею мо-

жет дать изучение Лондонского морского договора, который нам предлагается, как прототип всякой будущей конвенции о морских вооружениях, и который был рекомендован и упомянутом председателем письме[19]) и самим председателем). Знаменательно то, что общая цифра тоннажа флотов трех сторон, участвующих в соглашении[20]), была на 1 марта 1931 г. 2,979.000 тонн, а на 1936 г. эта цифра будет для тех же трех держав 2,989.000 тонн. Таким образом договор не дает сокращения морских вооружений на ближайшие шесть лет и в лучшем случае стабилизирует морские силы на их теперешнем уровне. Если данный договор должен будет явиться прототипом всеобщего соглашения об общем, а не только морском разоружении, то, действительно, не только разоружение, но даже само сокращение вооружений заранее получает отрицательное решение.

Если мы учтем, что общий тоннаж крейсеров и авианосцев (не старше 20 лет), построенных к 1 марта 1930 г., достигает 814,800 тонн, а Лондонский договор, для тех же категорий, разрешает 1,222,000 общего тоннажа, т. е. увеличение на 407.200 тонн или на 50%, и что при этом из строя выведены тремя державами только девять линейных кораблей и как раз самых старых, слабых и, может быть, непригодных,—то мы получим увеличение разрушительной мощи данных флотов.

Это дает представление о том, каков будет результат Конференции по разоружению, если она будет следовать методам, предположенным семью государствами. По этим причинам советская делегация должна усиленно настаивать на том, чтобы сделать что-либо в смысле сокращения, а не только ограничения.

Приведенные мною цифры взяты из оффициального американского документа, который может быть предоставлен комиссии, если она того пожелает.

№ 14.

ЗАЯВЛЕНИЕ т. ЛИТВИНОВА ПО ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОКРАЩЕНИЯ ВООРУЖЕНИЙ.

3-е заседание морской подкомиссии, утром, 18 ноября 1930 г.

Я думаю, что вопрос прост и требует прямого и недвусмысленного ответа. Я ставил его во время первой половины сессии, когда мы обсуждали этот пункт. Я полностью и исчерпывающе обрисовал тогда всю важность этой поправки, которая по-моему, должна относится не только к морским

[19]) Письмо председателя Лондонской морской конференции Макдональда, на которое ссылался председатель Подготовительной комиссии Лоудон. (Прим. перев.)

[20]) Британской Империи, США и Японии. (Прим. перев.)

вооружениям, но и ко всем видам вооружений. Я отмечал тогда, что даже статут Лиги наций говорит в статье 8 о сокращении вооружений, а не об ограничении. Если Комиссия заменяет слово «сокращение» словом «ограничение», то практически она нарушает правило Лиги наций. Не мне защищать статут Лиги наций, я только отмечаю это, чтобы делегаты не могли укрыться за Статутом Лиги наций, как это часто имело место. Во всяком случае, мы думаем, что это вопрос величайшего значения и что мир должен знать, что делает Подготовительная комиссия: подготовляет ли она ограничение, увеличение или уменьшение вооружений?

Мы не можем обойтись без ясного ответа на этот вопрос. Нет правил без исключения. Я могу себе представить, что, если мы примем жесткую редакцию пункта о сокращении, то некоторые государства смогут перед Конференцией просить об известных из'ятиях в их пользу, но нет необходимости ослаблять значение слова «сокращение» введением таких слов, как «если возможно». Это означало бы, что Подготовительная комиссия не уверена сама, возможно ли сокращение. Поэтому я возражаю против этой новой поправки.

Согласно правилам, изложенным председателем этим утром, новая поправка должна быть представлена в письменной форме. Однако я не строгий формалист. После голосования моего первоначального предложения и если она будет отвергнуто, председатель может поставить на голосование слова «сократить» с добавлением слов «если возможно», что явится совершенно иным предложением.

Я придаю этому вопросу такое большое значение, что я просил бы председателя поставить этот пункт на поименное голосование без каких-либо добавлений и в первоначальной форме, которую я предложил сегодня утром. Если он будет отвергнут, г. Массигли, или кто-либо другой из делегатов, может предложить иную поправку.

№ 15.

ВОЗРАЖЕНИЯ тов. ЛИТВИНОВА ПРОТИВ ДОБАВЛЕНИЯ К УКАЗАНИЮ НА СОКРАЩЕНИЕ СЛОВ «ЕСЛИ ВОЗМОЖНО».

3-е заседание морской подкомиссии, утром, 18 ноября 1930 г.

Только несколько слов насчет новой поправки. Как оптимистически ни относиться к будущей Конференции, я не думаю, чтобы кто-нибудь мог верить, что Конференция совершит то, что невозможно. Она, конечно, не сможет сделать ничего такого, что невозможно. Это поправка кажется мне поэтому совершенно излишней. В других статьях проекта конвенции, когда мы говорим об ог-

раничении, мы не добавляем слов «если возможно», хотя на Конференции по разоружению также и ограничение может оказаться невозможным. Разве г. Массигли уверен, что ограничение будет возможно и легко осуществимо на Конференции?

Мы знаем о трудностях, имевших место при переговорах в Лондоне, Вашингтоне и Женеве только относительно одного ограничения. Поэтому казалось бы логичным прибавлять слова «если возможно» всюду, где употребляется слово «ограничение» и даже назвать самую Комиссию—«Комиссией по подготовке к конференции по разоружению, если возможно».

№ 16.

РЕЧЬ тов. ЛИТВИНОВА ПО ВОПРОСУ О СУДАХ СПЕЦИЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ.

3-е заседание морской подкомиссии, утром, 18 ноября 1930 г.

Я, уже, говорил по этому вопросу на вчерашнем заседании и не буду снова развивать своих доводов. Я хочу только повторить и сделать ясным Комиссии, какие специальные корабли я имею ввиду. Это—суда, подлежащие указанию в таблицах, которые в настоящее время незаполнены, но Лондонский морской договор, дает нам некоторое предоставление относительно того, что это за корабли, которые имеются ввиду. Я не буду их перечислять, но скажу только, что корабли, не подлежащие ограничению согласно списка, приложенного к Лондонскому морскому договору, достигают общего тоннажа около 250.000 тонн. Одни Соединенные Штаты представили в качестве тоннажа, не подлежащего ограничению, 91,496 тонн, что подходит к тем 100.000 тоннам, которые по мнению г. Кобиана, являются демаркационной линией для малых стран. Общий же итог составляет 87% всего итальянского флота, хотя сама Италия занимает в этом списке только цифру в 11,960 тонн. Далее в этом списке вы найдете французский корабль «Командан Тест», построенный в 1929 году, имеющий водоизмещение в 10.000 тонн. Там имеется также британский корабль «Андвенчур», построенный в 1924 году, с водоизмещением в 6.740 тонн.

Я думаю, что не может быть ни ограничения, ни сокращения, если мы разрешаем из'ятия такого размера. Я понимаю силу вчерашних аргументов г. Массигли и лорда Сесиля в пользу того, что некоторым странам приходится строить и сохранять подобные корабли, но я не вижу, почему они не должны быть сокращены в пределах соответственной категории. В настоящее время они не относятся ни к какому классу кораблей, но Великобритания, Соединенные Штаты

и Франция могут сами решить, как они будут сокращать их тоннаж, т. е. в пределах какой категории. Это не составит трудности и тогда нам будет ясно, что мы сократим все.

№ 17.

РЕЧЬ тов. ЛИТВИНОВА О ДЕМАРКАЦИОННОЙ ЛИНИИ МЕЖДУ КРУПНЫМИ И МАЛЫМИ ФЛОТАМИ.

3-е заседание морской подкомиссии, утром, 18 ноября 1930 г.

Я хочу сделать ясным, что в настоящее время мы обсуждаем три поправки к предложению семи государств. Все они, включая шведскую и испанскую поправки, исходят из принципов необходимости установления различия между крупнейшими морскими державами и меньшими. Одно из отличий между советским предложением и предложением шведской и испанской делегаций следующее: в то время, когда советское предложение имеет ввиду, что крупные морских державы могут ограничивать и сокращать свои флоты по категориям, шведское и испанское предложение допускает возможность некоего трансфера также и для крупных держав. Я мог бы сказать, что оно более либерально для крупных морских держав, чем предложение советской делегации.

Другое отличие касается демаркационной линии между крупными морскими державами и меньшими. Мы устанавливаем эту линию на 200.000 тонн, шведская поправка устанавливает ее на 100.000 тонн, тогда как испанское предложение ставит вместо цифры икс, точные размеры которого будут определены Конференцией по разоружению.

Некоторые делегации спрашивали советскую делегацию почему она выбрала именно цифру 200.000 тонн, утверждая, что я имел ввиду специально интересы моей страны, предлагая цифру, которая позволила бы Советскому Союзу не быть отнесенным к категории более крупных стран. Должен признаться, я не в состоянии ответить на этот вопрос, так как — странно сказать — советское правительство было совсем не в состоянии решить к какой категории флота оно относится.

Несмотря на, что в течение 10 лет мы пользуемся миром, часть советского флота до сих пор содержится в плену у одной из крупных морских держав. А по какому праву? Только по праву сильного.

Таким образом, на вопрос о том, к какой категории должен быть отнесен флот Советского Союза, зависит от возвращения части его флота...[21])

[21]) В этом месте председатель Комиссии прервал тов. Литвинова, прося избегать вопросов, подобных тому, который он только что затронул.

...Мне не придется избегать его более, так как я сказал все, что хотел сказать по этому пункту.

Если часть нашего флота будет нам возвращена, тогда мы не окажемся в числе «привилегированных» стран; мы не будем пользоваться больше свободой трансфера.

Однако, во всяком случае, не эти соображения побуждают советскую делегацию предлагать ту или иную цифру. Если Комиссия решит принять более низкую цифру, мы не будем возражать, но если Комиссия не будет вовсе заниматься цифрами, мы можем оставить этот вопрос Конференции, которая вставит какую-либо цифру вместо икса, как это предлагается испанской делегацией.

Советская делегация будет поддерживать всякое предложение, направленное к тому, чтобы поставить более слабые морские державы в более привилегированное положение в отношении трансфера кораблей из одной категории в другую.

№ 18.

ЗАЯВЛЕНИЕ т. ЛИТВИНОВА О ЛИНЕЙНЫХ КОРАБЛЯХ.

4-е заседание морской подкомиссии, утром, 19 ноября 1930 г.

Я думаю, что смысл нашего предложения всем ясен. Наша мысль — насколько возможно уничтожить оружие наступательного характера. В этих целях мы вносим предложение об уменьшении размеров линейных кораблей, надеясь, что оно будет поддержано крупными морскими державами. Я основываю мое замечание на заявлениях, сделанных на Лондонской морской конференции. На этой конференции британский делегат сказал: «По мнению правительства его величества Соединенного королевства, ввиду огромных размеров и дороговизны линейных кораблей, польза их сомнительна и это правительство желало бы соглашения, по которому линейные корабли в надлежащее время исчезли бы все из флотов мира».

Это заявление было поддержано в итальянской декларации, гласившей следующее: «Кроме того в случае согласия других держав Италия готова благожелательно рассмотреть уничтожение линейных кораблей».

Версальский договор также признал, что установление предела в 10.000 тонн для водоизмещения надводных кораблей и 11 дюймов для артиллерии достаточно для целей обороны, а в этом и состоит существо советского предложения.

№ 19.

ЗАЯВЛЕНИЕ т. ЛИТВИНОВА О ЛЬГОТАХ ДЛЯ ПЕРСИИ.

4-е заседание морской подкомиссии, утром, 19 ноября 1930 г.

Я хочу сказать только, что несомненно всякие льготы, о которых может просить персидское правительство, будут иметь оборонительный характер с целью обеспечить безопасность его страны. Я могу заверить персидского делегата, что советская делегация будет полностью поддерживать его требования.

№ 20.

ЗАЯВЛЕНИЕ т. ЛИТВИНОВА ОБ УПРАЗДНЕНИИ АВИОНОСЦЕВ.

5-ое заседание морской подкомиссии, утром, 20 ноября 1930 г.

Во время обсуждения проекта конвенции советская делегация неизменно высказывалась за полное упразднение авианосцев, рассматривая их как самый агрессивный вид морских сил, присоединяющий, как это имеет место, к разрушительной силе флота еще разрушительные качества авиации в обширном районе действия, практически охватывающем весь мир. Эти корабли, к тому же самые дорогие изо всех — «Лексингтон» и «Саратога» стоят более 9 миллионов фунтов,— дают наибольшие преимущества сильным флотам, обеспечивая их нераздельное господство над малыми странами и колониями. По этим причинам советская делегация воздержится от голосования и в нужный момент либо внесет соответственное предложение, либо предложит в таблицах против цифры авионосцев поставить ноль.

№ 21.

ЗАЯВЛЕНИЕ тов. ЛИТВИНОВА О ПОДВОДНЫХ ЛОДКАХ.

5-ое заседание морской подкомиссии, утром, 20 ноября 1930 г.

Я хочу обратить внимание комиссии на то, что это предложение в том виде, как оно стоит в проекте семи государств, имеет очень ограниченное значение и применение, так как из 333 подводных лодок, перечисленных в документах Лондонской морской конференции, только пять имеют свыше 2.000 тонн и я должен попутно заметить, что все пять разрешены в порядке исключения. Если вы примете проект, он

ничего не даст, так как подводных лодок свыше 2.000 тонн мало, а те, которые есть — все уже не подлежат ограничению.

Поэтому я настаиваю на наибольшем сокращении водоизмещения и вооружения подводных лодок. Мы хотим ограничения возможностей нападения и поэтому не принимаем ограничения, предлагаемого семью государствами, тем более, что в Лондоне британская и итальянская делегация стояла за уменьшение тоннажа подводных лодок. Я хотел бы услышать подтверждение этой точки зрения, официально заявленной в Синей книге, разосланной председателем. Мы не видим основания, почему Подготовительная комиссия не должна следовать предложениям, сделанным в Лондоне, и поэтому предлагаем для подводных лодок водоизмещение в 600 тонн с четырехдюймовыми пушками. Я убежден, что это ограничение лишит подводные лодки значительной степени их агрессивной силы.

№ 22.

ЗАЯВЛЕНИЕ тов. АНЦИПО-ЧЕКУНСКОГО О ВООРУЖЕНИИ ТОРГОВЫХ СУДОВ.

5-ое заседание морской подкомиссии, утром, 20 ноября 1930 г.

Советская делегация полностью поддерживает первую часть статьи М проекта семи держав. Однако советской делегации непонятно, зачем нужно было ослабять смысл этой статьи разрешением подкрепления палуб для установки шестидюймовых пушек. Разве можно отрицать, что это подкрепление (палуб) является «подготовительной установкой» как например, специальное приспособление трюма для погребов боевых припасов или постов для установки управления огнем? Правда, что последнее легче, чем первое, но это не основание, чтобы отклоняться от принципа.[22])

Нормы, предусматривающие борьбу с неприятельской торговлей, изложены в «Договоре для охраны на море нейтральных и невоюющих во время войны», Вашингтон, 6 февраля 1922 года.

Главным аргументом в пользу вооружения торговых судов значительной артиллерией—является необходимость предоставления им возможности бороться с подводными лодками. Раздел второй статьи первой вышеуказанного договора гласит, что:

---

[22]) От принципа недопустимости подготовки вооружения торговых судов, установленного в первой части статьи М проекта семи держав. (Прим. перев.)

«Подводные лодки воюющих, ни при каких обстоятельствах не освобождаются от соблюдения вышеупомянутых всеобщих правил; в случае, когда подводная лодка была бы не в состоянии захватить торговое судно с соблюдением названных правил, она должна, по международному праву, отказаться от нападения так же, как и от захвата, и оставить торговое судно продолжать свой путь беспрепятственно».

Лондонский договор в статье 22, устанавливает обязанность подводных лодок соблюдать при борьбе против торговых судов правила международного права. Если представители главных морских держав, подписавших этот договор полагают, что эта статья подлежит выполнению, — им не нужно в конвенции о разоружении предусматривать вооружение торговых судов шестидюймовой артиллерией, давая возможность создать важную категорию вспомогательных крейсеров и усиления разрушительных средств флотов.

Поэтому, советская делегация поддерживает свою редакцию статьи М. [23]).

№ 23.

ВОЗРАЖЕНИЯ т. ЛИТВИНОВА ПРОТИВ УСТАНОВЛЕНИЯ ВЫСОКИХ НОРМ ДЛЯ СУДОВ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИХ НИКАКОМУ ОГРАНИЧЕНИЮ.

5-ое заседание морской подкомиссии, утром, 20 ноября 1930 г.

Это очень важный вопрос. Мы говорим о сокращении и мы должны провести демаркационную линию между кораблями, подлежащими сокращению, и теми, которые останутся им не затронутыми. Дело не в том, чтобы помещать цифры для примера. Мы должны принять некоторые определенные цифры. Находящийся перед нами проект предлагает не включать в глобальный тоннаж корабли с водоизмещением, не превышающим 2.000 тонн, с пушками калибра не свыше 6,1 дюйма, или имеющие скорость не свыше 20 узлов.

Нет сомнения, что эти корабли обладают значительной боевой силой и в частности заменяют крейсеры при операциях против торговых судов и на отдаленных театрах войны. Мы продолжаем утверждать, что оставлять неограниченной столь важную группу боевого тоннажа — значит итти против принципов, из которых должна исходить Конферен-

[23]) Не содержавший второй части статьи М проекта семи держав о допустимости подкрепления палуб торговых судов для установки пушек калибра до 6 дюймов. (Прим. перев.)

ция по разоружению. Такие корабли должны, конечно, подлежать глобальному ограничению по категории легких крейсеров, как «легкие силы». По этим соображениям, мы предложили, чтобы не подлежали ограничению только суда в 100 тонн с трехдюймовыми пушками. Действительно, 100 тонн в качестве желательной цифры назывались во время Лондонской конференции итальянским представителем в Комитете экспертов.

№ 24.

ЗАЯВЛЕНИЕ т. АНЦИПО-ЧЕКУНСКОГО О СПОСОБЕ ИСЧИСЛЕНИЯ ВОДОИЗМЕЩЕНИЯ КОРАБЛЕЙ.

5-ое заседание морской подкомиссии, утром, 20 ноября 1930 г.

Метод исчисления стандартного тоннажа не является просто вопросом техники или просто вопросом удобства. Советская поправка предлагает принимать в расчет при исчислении водоизмещения топливо и воду для питания котлов, изменяя, таким образом, то, что было принято в Вашингтоне и Лондоне.

Может быть не все в курсе того, что, согласно всех справочников по флоту до Вашингтона, линейные корабли имели нормальное водоизмещение, примерно, на 5.000 тонн больше, чем по новым правилам исчисления. Наконец, большая часть хорошо известных вашингтонских крейсеров в 10.000 тонн, в действительности имеет 14.000 тонн.

Четвертая часть Вашингтонского договора предусматривает, что «суда, ныне законченные, будут продолжать фигурировать с тоннажем, присвоенным им, согласно их национальной системе исчисления».

Это значит, что те, кто хотел бы сравнить тоннаж новых кораблей со старыми, будет введен в заблуждение. Прежняя цифра в 10.000 тонн будет выражать в действительности нечто иное, на 40% выше прежнего исчисления. И это, не говоря о других боевых элементах, а только, учитывая водоизмещение.

Ясно, что, сравнивая крейсеры эпохи мировой войны с вашингтонским крейсерским флотом, одна и та же цифра на самом деле выражает увеличение на 40%. Вот, что дает в этом смысле стандартное водоизмещение.

Далее без учета оставлены те элементы, который в первую очередь определяют район действия кораблей. Я продолжаю говорить только о крейсерах. При одной и той же цифры в 10.000 английский «Лондон» имеет 14.000 тонн, французский «Турвиль» — 11.700 тонн. Из этого следует, что

способ (измерения) стандартного водоизмещения скрывает это различие в элементе, который для крейсеров является существенным.

Советское предложение состоит в том, чтобы признать более правильным старый нормальный метод исчисления тоннажа. Нам возразят, что тогда все флоты внезапно возрастут в большой пропорции. Это верно. Они войдут с истинным показателем, который был сильно преуменьшен новым методом.

Сказанное о надводных кораблях, естественно, применимо и к подводным лодкам. Французский «Сюркуф» в 3.257 тонн после Лондонского договора оказывается только в 2.880. Английская «Пандора» вместо 1.600 тонн оказывается только в 1.475.

Ясно, что сравнивая тоннаж, высчитанный таким образом, с данными 1919 и даже 1928 годов будет достигнуто значительное преуменьшение и это — сохраняя те же самые корабли.

Наше предложение дает метод исправления неправильностей, которые я только что отметил.

№ 25.

ЗАЯВЛЕНИЕ т. ЛИТВИНОВА ОБ ОГРАНИЧЕНИИ РАСХОДОВ НА МОРСКИЕ ВООРУЖЕНИЯ.

5-ое заседание морской подкомиссии, утром, 20 ноября 1930 г.

Советская делегация готова голосовать за британскую поправку, но хотела бы включить после слова «ограничить» следующие слова: «и сократить». В данном случае это самое важное, потому что мы уже решили сократить морские вооружения. Если мы сократим вооружения, а не бюджет, то останется некий излишек средств в распоряжении правительств, который вряд ли будет употреблен на воспитательные или подобные цели, а может быть истрачен на иные виды вооружений, так, что мы ничего не выгодаем на пути разоружения.

Я надеюсь, что против этой поправки не будет сделано никаких формальных возражений по поводу того, что она не была послана в письменной форме. Она так проста, что каждый понимает ее смысл без какого-либо текста. Конечно, если по формальным соображениям эта поправка будет отвергнута, то мы внесем это предложение в другой раз, когда мы дойдем до общей главы «бюджетных расходов».

**
*

VI.

ВОЕННЫЕ БЮДЖЕТЫ

На 11 заседании 20 ноября утром Подготовительная комиссия, отложив до третьего чтения вопрос воздушных вооружений, перешла к главе об ограничении военных бюджетов, состоявшей из одной статьи, предложенной французской делегацией в 1927 г. Британская делегация внесла новую ее редакцию, а французская предложила не решать окончательно вопроса о том, как будут ограничены военные бюджеты, передав дело Комитету бюджетных экспертов. Эти предложения были в конечном итоге приняты Комиссией, почему формулировка данной статьи, касавшейся всего военного бюджета, равно как и принятых уже раньше статей о расходах на военный материал сухопутных войск и о морских бюджетах, получили условный характер.

Советская делегация внесла предложение сократить военные бюджеты по подробным рубрикам [24]) и включить в них секретные расходы.

Против первого из этих предложений выступил лорд Сесиль. Заявив, что присоединяется в принципу советского предложения, британский делегат был против самого предложения, в частности отмечая, что расходы сами автоматически понизятся при сокращении вооружений.

Комиссия приняла советское предложение о сокращении военных бюджетов, но с оговоркой «поскольку возможно». Она отвергла ограничение в рамках общего военного бюджета расходов на сухопутные, морские и воздушные вооружения по отдельности 8 голосами против—7. Вопрос о более подробных рубриках был передан Комитету бюджетных экспертов. Второе советское предложение о секретных расходах было пока снято, поскольку все дело было передано этому комитету. Этот последний однако в дальнейшем не внес советского предложения в составленный им проект.

[24]) Это советское предложение было в дальнейшем заменено советской делегацией двумя поправками к британскому предложению: 1) добавить слово „сократить“ и 2) перечислить рубрики.

№ 26

ПЕРВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЕЛЕГАЦИИ СССР О ВОЕННЫХ БЮДЖЕТАХ (ГЛАВА III ПРОЕКТА 1927 г.)

10 ноября 1930 г. док. № 229

Советская делегация предлагает заменить ст. ДА следующими статьями:

Ст. ДА. В каждом из договаривающихся государств совокупность годовых расходов, исчисленных по годовому бюджету и распределенных, как то указано в таблицах . . . . (силы метрополии и образования метрополии, организованные по военному.).. и (заморские силы, их подкрепления и заморские образования, организованные по военному), — не должна будет превышать цифр, установленных для каждого государства настоящей конвенцией, путем сокращения существующих, к моменту подписания настоящей конвенции, военных бюджетов на одинаковый процент, с отступлением в пользу наиболее слабых, с военной точки зрения, государств, особо перечисленных в настоящей конвенции, а также государств, которые сократили свои вооружения в силу международных договоров, иных, чем настоящая конвенция.

Сокращение военных бюджетов распространяется в равной мере на статьи расходов, перечисленные в таблицах, приложенных к настоящей статье.[25])

Статья ДБ. Из общегосударственных бюджетов подлежат исключению секретные фонды, предназначенные в замаскированном виде на чрезвычайные расходы, связанные со специальной подготовкой к войне и усилением вооружений.

В соответствии с этим все расходы на содержание вооруженных сил каждого государства должны быть об'единены в одну общую главу внутри общегосударственного бюджета и подлежат во всех отношениях гласности.

№ 27.

ВТОРОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЕЛЕГАЦИИ СССР О ВОЕННЫХ БЮДЖЕТАХ (контр-проект к британскому предложению).

20 ноября 1930 г. док. № 256.

1. Первая поправка к статье ДА проекта британской делегации (№ 219(1)).[26])

[25]) См. таблицы, помещенные на страницах. 12—13 документа подготовительной комиссии разоружения № 90 от 1 июля 1927 г. (Примечание в тексте предложения). В этом документе предусматривалось разделение расходов на четыре группы расходов: на личный состав, на передвижение на недвижимость и на военный материал. (Прим. перев.)

После слов: «каждая из высоких договаривающихся сторон соглашается, что общая сумма ее ежегодных расходов на сухопутные, морские и воздушные силы» добавить слово: «будет сокращена и»...

2. Вторая поправка к статье ДА проекта британской делегации: В конце статьи ДА добавить «по следующим категориям: 1) личный состав, 2) передвижение, 3) недвижимость, 4) военный материал».

3. Сатья ДА, которая была предложена делегацией СССР за № 229 берется обратно.

4. Статья ДБ, предложенная делегацией СССР за № 229, остается в силе.

№ 28.

ЗАЯВЛЕНИЕ т. ЛУНАЧАРСКОГО О СОКРАЩЕНИИ ВОЕННЫХ БЮДЖЕТОВ.

12-е заседание, утром, 21 ноября 1930 года.

Я не знаю, как можно говорить, что бюджетные цифры будут автоматически следовать за цифрами персонала и военных материалов. Можно прекрасно ограничить эти цифры в отношении количества и в то же время улучшить качество, что неизбежно вызовет расходы. Это не предусмотрено в британском тексте. Советская делегация предлагает это предусмотреть и этому воспрепятствовать. Если бы, как говорил лорд Сесиль, связь была автоматической, то было бы бесполезно предусматривать бюджетные ограничения вообще. Если не будет упомянуто о сокращении, то британская поправка потеряет свою важность. Я прошу голосования по обоим поправкам по отдельности. Затем я скажу несколько слов по другой поправке.

**
*

[26]) Соответственный британский проект гласил: „Каждая из высоких договаривающихся сторон соглашается, что общая сумма ее ежегодных расходов на сухопутные, морские и воздушные силы не будет в каждом бюджетном году превышать цифр, указанных в таблицах...“.

VII.

ОЦЕНКА РАБОТ КОМИССИИ РАЗОРУЖЕНИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ВОПРОСОВ.

Рассмотрев бюджетный вопрос, Подготовительная комиссия бегло прошла главу о химической войне и с 12 заседания приступила к слушанию обширной последней части проекта относительно исполнения конвенции: создания Постоянной комиссии разоружения, обмена сведениями, жалоб на нарушение конвенции, отступлений от нее и введения ее в действие.

Таким образом второе чтение той части проекта, которая относилась к вооружениям в собственным смысле, было закончено, причем по общему ходу работ и, в частности, опыту пересмотра главы об ограничении материальной части сухопутных войск и двусмысленного указания в конвенции на сокращение вооружений можно было легко предвидеть судьбу третьего чтения.

Т. Литвинов на 12 заседании Комиссии утром 21 ноября 1930 г. сделал общее заявление о непригодности составленного проекта конвенции, второстепенном значении вопросов организации и исполнения конвенции и неприемлемости для советской стороны участия Лиги наций в исполнении конвенции. Затем, передав председательство в делегации т. Луначарскому, т. Литвинов оставил Женеву. После свидания в Милане с итальянским министром иностранных дел Гранди т. Литвинов вернулся в Москву. Проездом через Берлин 27 ноября 1931 г. т. Литвинов дал интервью корреспонденту ТАСС об итогах работы Подготовительной комиссии и о миланском свидании.

В дальнейшем советская делегация в соответствии с указанным общим заявлением в значительной мере отстранилась от работы Комиссии, выступая только в некоторых отдельных случаях.

№ 29.

ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ т. ЛИТВИНОВА В КОМИССИИ РАЗОРУЖЕНИЯ.

12-ое заседание, утром, 21 ноября 1930 г.

У меня есть несколько замечаний по всем разделам главы V и, чтобы не тратить понапрасну времени на повторение, я думаю, что лучше сделать это сразу. Я говорю об общей оговорке советской делегации относительно всей главы V.

Мы только что закончили часть проекта конвенции, касающуюся вопросов, непосредственно относящихся к ограничению и сокращению вооружений. Советская делегация принимала в этом активное участие, стремясь достигнуть возможно больших результатов, хотя бы в рамках настоящего проекта конвенции. К несчастью наши усилия были тщетными. Несомненно, формально мы можем предлагать поправки при третьем чтении, но мы не делаем себе иллюзий насчет судьбы этих поправок.

Я воздержусь в настоящее время от общей оценки работы Комиссии. Скажу только, что только что пройденная часть проекта конвенции ни в коей мере не удовлетворяет советскую делегацию и нисколько не соответствует задачам Подготовительной комиссии, на взгляд советского правительства, когда оно соглашалось на участие в ней. Мы считаем, что выработанные главы даже неспособны служить подходящей рамкой для решений о реальном сокращении вооружений. Советская делегация, прибыв сюда, не имела в виду ничего иного, кроме разоружения или по крайней мере значительного сокращения вооружений, а никак не стабилизацию существующих вооружений и даже их увеличение в целях установления известного рода военного равновесия между государствами, что, повидимому, только и предусматривается в этих главах.

При этих условиях, советская делегация не может придавать серьезного значения техническим и организационным вопросам, к обсуждению которых Комиссия теперь приступает. Позиция советского правительства в этих вопросах будет в конечном итоге зависеть от меры сокращения вооружений, которая будет установлена ни Комиссией, а Конференцией. Поэтому, советская делегация, вероятно, воздержится от голосования по всем указанным вопросам. Я хотел бы, однако, здесь теперь же указать на то, что всякое решение этих вопросов, связывающее выполнение конвенции, контроль и т. п. с Лигой наций и ее органами, будет неприемлемо для советского правительства.

Делая эту общую оговорку, советская делегация сохраняет за собой право делать дополнительные оговорки по отдельным пунктам главы V, если это будет вызвано тем оборотом, который примут прения.

№ 30

ИНТЕРВЬЮ Т. ЛИТВИНОВА ОБ ИТОГАХ РАБОТ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ И О ВСТРЕЧЕ С М. И. Д. ИТАЛИИ

Сообщение Тасс 27 ноября 1930 г. [27]).

Тов. Литвинов проездом в Москву остановился в Берлине. В беседе с берлинским представителем ТАСС, т. Литвинов сообщил о причинах от'езда его из Женевы, а также поездки его в Милан. На вопрос о причинах его от'езда из Женевы до окончания сессии Подготовительной комиссии к конференции по разоружению тов. Литвинов ответил:

«Эти причины изложены мною в последнем заявлении, сделанном в Комиссии, незадолго перед моим от'ездом. Советская делегация принимала активнейшее участие в работах Комиссии, пока была еще малейшая надежда наполнить реальным содержанием так называемый проект конвенции о разоружении. Всякие надежды однако исчезли, когда соответственные советские поправки были отклонены и Комиссия закончила второе чтение глав, относящихся непосредственно к сокращению вооружений. Для нас стало совершенно ясно, что вырабатываемые проекты конвенции, на которые Комиссия, состоящая из представителей 30 государств, потратила около 5 лет и которые в нынешнем виде могли быть не хуже составлены в течение недели несколькими добросовестными чиновниками, могут быть рамкой для дискуссии скорее об отказе от разоружения, чем о действительном сокращении вооружений. Комиссия усердно занимается сейчас вопросом о так называемой «гласности» и об «обмене информацией» и есть все основания опасаться, что по крайней мере некоторые делегации имеют в виду замену разоружения одной гласностью. Но гласность сама по себе не только не может приостановить соревнования держав в деле вооружения, а может даже стать отправной точкой для такого соревнования на тот случай, если будущая конференция все же приняла бы какие-либо меры к сокращению вооружений. Комиссия спешит уже узаконить из'ятие из этих мер и нарушение конвенции. В Комиссию внесены предложения, согласно которым достаточно заявить любому госу-

[27]) Известия ЦИК СССР от 28 ноября 1930 года.

дарству, что оно чувствует себя угрожаемым, чтобы иметь право на нарушение конвенции. В случае принятия подобных предложений Советский Союз заранее был бы свободен от всяких обязательств по конвенции, ибо не только суб'ективно он чувствует себя угрожаемым, но эти угрозы создаются ежедневно, открыто обсуждаются в печати и имеются совершенно об'ективно неоспоримые доказательства их существования.

Но Советский Союз не требует для себя никаких из'ятий и готов неуклонно и добросовестно выполнить любые обязательства о существенном сокращении вооружений в равной мере с другими странами. Общее впечатление, вынесенное советской делегацией из работ Комиссии, таково, что некоторые державы, занявшие благодаря количественному и качественному превосходству своих вооружений доминирующее положение на мировой арене и стремящиеся сохранить и расширить свое господство, твердо решили ни в каком случае не уменьшать своего военного могущества. Вместо того, чтобы содействовать выявлению перед общественным мнением этих тенденций, Подготовительная Комиссия прикрывала их и, идя по линии наименьшего сопротивления и стремясь к мнимому единогласию, равнялась на те именно делегации, которые отражали отмеченную мною тенденцию к недопущению разоружения. Единогласие однако вследствие частных расхождений между самими господствующими государствами отнюдь не достигнуто, и поэтому встретившиеся в Комиссии затруднения остались неустраненными и оставлены в наследство будущей конференции. Конечно, если и на этой конференции делегации будут иметь такие же инструкции, какими руководствовались делегации Подготовительной комиссии, то ни о каком разоружении или сокращении вооружений думать не придется. Если бы конференция и захотела приступить к выработке международной конвенции о сокращении вооружений, то ей пришлось бы начать с назначения новой подготовительной комиссии, что может оказаться предлогом для дальнейшего оттягивания дела разоружения».

Коснувшись своей поездки в Милан, т. Литвинов сказал: «Взаимоотношения между Советским союзом и Италией, поддерживаемые и укрепляющиеся в течение 7 лет, создали потребность в обмене взглядами у руководителей внешней политики обеих стран об этих отношениях и о других интересующих обе стороны международных проблемах. Принимая во внимание, что министры иностранных дел встречаются ежегодно и даже чаще, ничего ненормального, казалось бы, не должно быть усматриваемо во встрече наркома иностранных дел СССР с руководителями внешней политики тех стран, которые поддерживают с Советским союзом не только

5*

формально корректные, но и действительно нормальные дипломатические отношения.

Подобные встречи могут вызывать беспокойство лишь у тех, кто под маской миролюбия стремится изолировать и ослабить Советский союз или другие государства. Говорят о пан-европеизме и в то же время критикуют попытки сближения между двумя европейскими странами. Миролюбие советского правительства покоится на неоспоримых фактах и всякое его сближение с другими странами может лишь служить делу мира. Действительных друзей мира это сближение может лишь радовать.

VIII.

ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

Уже в общем заявлении тов. Литвинова 21 ноября и в его интервью 27 ноября 1930 г. советской делегацией были затронуты некоторые вопросы, касающиеся исполнения конвенции: вопрос о Лиге Наций (№ 29), об отступлениях от конвенции и о гласности (№ 30).

После от'езда т. Литвинова, т. Луначарский, развивая эти положения, сделал четыре заявления на 16 заседании 25 ноября и на 18 заседании 28 ноября.

В первом из этих заявлений (№ 31) поддерживалась точка зрения, защищающаяся восточными странами (Турцией, Китаем, Персией), о том, что Постоянная комиссия разоружения должна быть составлена на основах равенства. Подготовительная комиссия, однако, приняла решение, отвергавшее участие в Постоянной Комиссии всех договаривающихся сторон, но оставлявшее открытым вопрос о ее составе.

Два другие заявления (№ 32 и 33) касались вопроса о праве каждого государства превысить нормы вооружений, установленные конвенцией, если данное государство по своему усмотрению признает это необходимым по соображениям безопаснотси и сделать о том оповещение. Соответственная статья была составлена на основе французского и британского предложений 1927 г., причем, на сессии 1930 г. американская делегация предложила новую, еще более общую редакцию. Несмотря на возражения советской делегации эта статья была принята Комиссией, тем самым аннулируя все значение конвенции. Четвертое заявление тов. Луначарского касалось гласности (№ 34).

№ 31.

ЗАЯВЛЕНИЕ т. ЛУНАЧАРСКОГО О ПОСТОЯННОЙ КОМИССИИ РАЗОРУЖЕНИЯ.

16-ое заседание, вечером, 26 ноября 1930 г.

В последнем заявлении своего первого делегата, советская делегация изложила свою точку зрения на формальные вопросы, которыми теперь занимается Комиссия.

Истинный смысл и истинное значение главы V, касающейся общих положений, всецело зависят от того, как окончательно разрешит конференция проблему разоружения. Советская делегация воздержится от голосования предложенной нам системы контроля, тем более, что в проекте, составленном подкомиссией под председательством г. Политиса, все важные вопросы оставлены без разрешения.

Я должен прибавить, что советская делегация стоит за идею совершенного равенства всех стран при образовании подобного органа.

Советская делегация, кроме того, оставляет за собою право изложить свою точку зрения на некоторые другие разделы главы V.

№ 32.

ВОЗРАЖЕНИЕ т. ЛУНАЧАРСКОГО ПРОТИВ ОТСТУПЛЕНИЙ ОТ КОНВЕНЦИИ.

16-ое заседание, вечером, 26 ноября 1930 г.

Все отступления имеют общую цель — позволить тому или иному государству в благоприятный момент аннулировать целиком конвенцию сведя таким образом к нулю, то малое, что она дает. Не стоит даже прибавлять к этому, что нарушение конвенции одним из подписавших ее государств, конечно, послужит предлогом для преступления ее другими подписавшими государствами. Поэтому я должен обратить внимание, что советская делегация не может принять — ни какой-либо системы, которая, статьей об отступлениях, аннулировала бы весь смысл конвенции, ни какого-либо отступления, которое служило бы предлогом для увеличения вооружений.

№ 33.

ЗАЯВЛЕНИЕ т. ЛУНАЧАРСКОГО ОБ ОПАСНОСТИ ОТСТУПЛЕНИЙ ОТ КОНВЕНЦИИ.

16-ое заседание, вечером, 26 ноября 1930 г.

Я готов допустить, что члены подкомиссии, составляя представленный нам текст, имели наилучшие намерения, но для нашей делегации этот раздел главы V кажется крайне опасным. Он не приемлем для советской делегации. Я считаю, что лучше было бы придерживаться общего правила абсолютного соблюдения предусмотренных обязательств. Этим можно создать верную основу для конвенции. Не следует предусматривать столь исключительные случаи.

№ 34.

ЗАЯВЛЕНИЕ т. ЛУНАЧАРСКОГО ОБ ОПУБЛИКОВАНИИ ДАННЫХ О ВООРУЖЕНИЯХ.

18-ое заседание, вечером, 28 ноября 1930 г.

Во время работ комиссии неоднократно делались предложения, особенно со стороны почтенного представителя Японии, — направленные на утешение общественного мнения, по поводу непринятия той или иной реальной меры прямого разоружения, обещанием заменить таковую очень широкой гласностью.

Позиция советской делегации относительно гласности во всех ее аспектах абсолютно ясна. Мы утверждаем, что гласность не только не может заменить мер реального ограничения и сокращения вооружений, но может явиться их правдоподобным и обманчивым суррогатом. Гласность может явиться орудием для создания иллюзий в глазах общественного мнения. Она может заставить поверить, что Комиссия добилась существенных соглашений о разоружении, тогда как по существу соглашения ничего не выражают.

Советская делегация не принимала участия в работе над проблемой гласности. Однако, она должна учитывать какой оборот принимает разработка принципов, устанавливающих обязательства государств на счет взаимного осведомления о состоянии своих вооружений.

Что мы видим? С одной стороны большая часть до сих пор выработанных пунктов гораздо больше облегчает сохранение и иногда даже увеличение вооружений; с другой стороны, мы наблюдаем, что ряд делегаций силится претворить дискуссия о гласности и решения, которые предстоит принять, в такие формулы, которые имеют целью узаконить и освятить принцип военной тайны.

Таким образом мало того, что сокращение вооружений заменяется гласностью, делаются еще усилия придать этой гласности совершенно эфемерный характер.

Советская делегация упорно настаивает на том, чтобы не придавать никакого значения вопросам гласности, пока не будет осуществлено настоящее разоружение. Но, принимая во внимание имеющееся положение вещей, советская делегация присоединяется к мнению экспертов, пытавшихся требовать, чтобы гласность не стала пустой формулой без всякого смысла. Я к сожалению констатирую, что даже делегаты тех стран, эксперты которых имели более передовые взгляды, не настаивают на этом.

**
*

IX.

ТРЕТЬЕ ЧТЕНИЕ ПРОЕКТА КОНВЕНЦИИ И ЕГО ПРИНЯТИЕ

Покончив со вторым чтением своего проекта Подготовительная комиссия с 19 заседания 1 декабря 1930 г. приступила к третьему чтению. Третье чтение началось с вопросов, возбужденных советской делегацией.

Из трех советских предложений, предложение включить в текст конвенции статью об ограничении и сокращении военных материалов в 1929 г. не было принято. На этот раз (на сессии 1930 г.) за и против него было подано равное число голосов. По настоянию американской делегации, возражавшей против бюджетного ограничения, оно помещено в примечании к главе о сухопутном материале.

Предложение говорить о сокращении вооружений было уже ранее принято при обсуждении глав о морских вооружениях и о военных бюджетах, но с аннулирующей его смысл оговоркой «поскольку возможно». Советская делегация в двух письменных и мотивированных поправках предложила ввести указание на сокращение вооружений (без оговорки «поскольку возможно») в две другие главы о личном составе и о воздушных воорууженях, но редакционный комитет Комиссии разоружения предложил выделить указание на сокращение с оговоркой «поскольку возможно» в отдельную статью, возглавляющую всю конвенцию, что и было принято Комиссией.

Советская делегация энергично настаивала на исключении слов «поскольку возможно», указывая на всю даже грамматическую двусмысленность этого выражения.

Против советского предложения выступил только лорд Сесиль. Ввиду того, что т. Луначарксий ссылался на слова, произнесенные г. Гендерсоном на публичном митинге в Кардиффе о необходимости сокращения вооружений (без оговорок), то лорд Сесиль пояснил, что г. Гендерсон также одобрил все, что сделано в комиссии (т. е. сокращение с оговоркой «поскольку возможно»). После этого советское предложение было без дальнейших прений поставлено на голосование и за него был подан один голос—советской делегации.

По другому советскому предложению о сокращении военно-обученных резервов, председатель г. Лоудон предложил не открывать прений, но т. Луначарский все же взял слово. Предложение встретило возражения лорда Сесиля, не отступившего от своей точки зрения несмотря на указание т. Луначарского, что даже в британской «белой книге» этот вопрос о военнообученных резервах признавался особенно важным [28]). Советское предложение, без дальнейших прений, было поставлено на голосование и за него был подан один голос—советской делегации.

Так как это было единственное предложение о пересмотре существенных отрицательных решений принятых ранее Подготовительной комиссией, то остальные прения во время третьего чтения, продолжавшиеся до 24 заседания 5 декабря, касались только второстепенных и редакционных вопросов, на которых комиссия и сосредоточила свое внимание.

Во время третьего чтнеия был затронут вопрос о химических вооружениях. В прошлом году Подготовительная комиссия, с небольшими изменениями повторив в своем проекте Женевский протокол о воспрещении химической и бактериологической войны, решительно отклонила советское предложение воспретить также и подготовку к ней в мирное время. На сессии 1930 г. химический вопрос встал в виде малозначительного предложения британской делегации понимать Женевский протокол в том смысле, что он воспрещает также и применение слезоточивых газов. Французская делегация, в особом меморандуме, подтверждая это понимание (в. п. 2) подчеркивала, что протокол говорит о воспрещении употребления газов только на войне (п. 1) и употребление этих газов полицией не может быть предметом дискуссии (п. 3). Делегат США Гибсон в свою очередь указал в своей речи, что применение слезоточивых газов полицией более гуманно и вероятно более практично, чем применение оружия.

Советская делегация, соглашаясь с британским толкованием, отметила гораздо большую важность того, что Подготовительная комиссия отказалась от воспрещения подготовки к химической войне. В то же время делегация СССР заявила протест против того, чтобы Комиссия занималась легализацией действий полиции против восставшего народа.

Проект конвенции был принят Комиссией на 23 заседании 5 декабря вечером без голосования, причем Советская

[28]) Разговор Бриана с Чемберленом 9 марта 1928 г., в котором британское правительство обещало поддерживать французскую точку зрения (отказа от ограничения военнообученных резервов) в обмен на уступки Франции в морском вопросе.

делегация напомнила, что она не относится к числу делегаций, принявших проект.

№ 35.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДЕЛЕГАЦИИ СССР О СОКРАЩЕНИИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ВОЙСК И ВОЕННО-ОБУЧЕННЫХ РЕЗЕРВОВ (статья А части I, текстов второго чтения).

25 ноября 1930 г. док. № 275.

Первая поправка.

После слова «ограничить» добавить слова «и сократить».

Мотивы. 1. Выражение «ограничить» двусмысленно. «Ограничивая» не только можно сократить вооружения, но также оставить их на существующем уровне и даже увеличивать их сверх этого уровня.

2. Конвенция, которая узаконила бы существующие большие вооружения или их увеличила бы, не имела бы никакой ценности.

3. По предложению делегации СССР Подготовительная комиссия согласилась включить в главы конвенции, относящееся к морским вооружениям и к бюджетным расходам, обязанность не только ограничить, но также и сократить вооружения.

Вторая поправка.

Добавить второй абзац:

«Высокие договаривающиеся стороны соглашаются ограничить и сократить обученные резервы сухопутных, морских и воздушных сил соответственно с цифрами, указанными в названных таблицах».

Мотивы. Принимая во внимание большую военную ценность обученных резервов, конвенция о разоружении которая их не ограничивала бы и не сокращала этот важный элемент вооруженных сил, представляла бы серьезный пробел.

№ 36.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЕЛЕГАЦИИ СССР О СОКРАЩЕНИИ ВОЗДУШНЫХ ВООРУЖЕНИЙ (статья АА, раздела III, главы I, текстов второго чтения).

25 ноября 1930 г., док. № 276.

После слова «ограничить» добавить слово «и сократить».

Мотивы. 1. Выражение «ограничить» двусмысленно. «Ограничивая» не только можно сократить вооружения, но

также оставить их на существующем уровне и даже увеличить их сверх этого уровня.

2. Конвенция, которая узаконила бы существующие большие вооружения или их увеличила бы, не имела бы никакой ценности.

3. По предложению делегации СССР Подготовительная комиссия согласилась включить в главы конвенции, относящиеся к морским вооружениям и бюджетным расходам, обязанность не только ограничить, но также и сократить вооружения.

№ 37.

ЗАЯВЛЕНИЕ т. ЛУНАЧАРСКОГО О НЕОБХОДИМОСТИ СОКРАЩЕНИЯ ВООРУЖЕНИЙ БЕЗ ОГОВОРКИ «ПОСКОЛЬКУ ВОЗМОЖНО».

19-ое заседание, вечером, 1 декабря 1930 г.

Редакционный комитет предложил новую формулу для первой статьи главы 1 проекта конвенции. Мы с удовлетворением принимаем это к сведению. Мне не надо, правда, напоминать, что слово «сокращение» неустанно выдвигалось советской делегацией. Все же мы бы хотели, чтобы формула, представленная нам теперь, была бы изменена.

Мы считаем, что слова «посколько возможно», ослабляющие смысл, должны быть отброшены.

Мы исходим из двух основных соображений. При разговорах с членами различных делегаций мы могли констатировать,— и таково мнение многих юристов,— что эти слова дают почву для двусмысленного истолкования. Тогда как одни переводят эти слова по английски «as much» (насколько только возможно),[29]) что значит «наивозможно более» в смысле максимального сокращения в рамках об'ективных возможностей,—другие видят в этих словах род ограничительного оппортунизма на счет сокращения вообще. К тому же, даже не переводя формулы на другие языки представляется, что самая структура предложения по французски «autant que possible reduire» (и посколько возможно сократить) вместо «et reduir autant que possible» (сократить насколько возможно) означает скорее менее всего сократить.

[29]) Еще во время прений по морскому вопросу советская делегация соглашалась на формулу: „насколько возможно“ (as much as possible), т. е. на бесспорное признание необходимости сокращения и максимальные размеры сокращения, но лорд Сесиль не изменил английской редакции „поскольку возможно“ (as far as possible), означающей, что самый вопрос в том, будет ли вообще произведено какое-либо сокращение или нет—остается открытым.

Второе соображение менее граматического порядка. Мы надеемся, что почтенный британский делегат поддержит идею сокращения теперь более энергично, чем ранее. Действительно «Сандей Таймс»[30]) от 30 ноября приводит речь, произнесенную в прошлую субботу в Кардиффе г. Гендерсоном, Британским Министром Иностранных Дел. Вот короткое место из этой речи: «Договор, сказал г. Гендерсон, должен будет повлечь не только ограничение, но и сокращение вооружений. Это явится единственным средством выполнить обязательства Версальского договора и обеспечить будущность Лиги Наций».

Эта декларация британского государственного деятеля должна будет побудить комиссию привести вопрос в ясность, не оставляя ни в каком отношении двусмысленности формул, предлагаемых нами конференции.

№ 38.

ЗАЯВЛЕНИЕ т. ЛУНАЧАРСКОГО О НЕОБХОДИМОСТИ СОКРАЩЕНИЯ ВОЕННООБУЧЕННЫХ РЕЗЕРВОВ.

19-е заседание, вечером, 1 декабря 1930 г.

Позвольте мне все же сделать короткое заявление. Советская делегация энергично и настойчиво высказывается за пересмотр вопроса об обученных резервах.

Я считаю своим долгом обратить серьезное внимание Комиссии на то, что отсутствие всяких мер сокращения обученных резервов лишает конвенцию ценности, которую она могла иметь. Что представляется важным советской делегации — это не чисто формальное ограничение численности личного состава под знаменами, а действительно существенные меры, могущие обуздать подготовку войны. Что нам представляется важным — это меры, способные сократить разрушительные силы, которые, в нужном случае, будут кинуты на поля сражений; что нам представляется важным — это, одним словом, — вся совокупность вооруженных сил каждого государства, не те, которые можно видеть на параде в мирное время, а те которые каждое государство может двинуть во время войны. Характер конвенции меняется в зависимости от принятия или непринятия сокращения обученных резервов, и я не скрою, что позиция советской делегации по отношению к конвенции, будет определятся в зависимости от того, какие решения примет Комиссия по столь важному вопросу.

30) Название газеты. (Прим. перев.).

№ 39.

ЗАЯВЛЕНИЕ т. ЛУНАЧАРСКОГО ОБ ОТНОШЕНИИ К ГАЗОВОМУ ПРОТОКОЛУ 1925 ГОДА И О ХИМИЧЕСКОМ ОРУЖИИ.

20-е заседание, утром, 2 декабря 1930 г.

В 1929 году советская делегация предложила не только отказаться от употребления боевых газов во время войны, но также и от их приготовления в мирное время. Однако, это предложение было отклонено большинством Комиссии.

В нашем толковании данная статья обнимает все газы, включая и раздражающие. Что касается текста, предложенного французской делегацией, то советская делегация придерживается того мнения, что Подготовительной комиссии не следует заниматься узаконением употребления этих газов полицейскими силами и поэтому считает неприемлемым для себя этот третий параграф—тем более, что ораторы подчеркивали, что дело идет здесь о боевых действиях полицейских сил против восставшего народа.

№ 40.

ЗАЯВЛЕНИЕ т. ЛУНАЧАРСКОГО О ТОМ, ЧТО СОВЕТСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НЕ УЧАСТВОВАЛА В ОДОБРЕНИИ ПРОЕКТА КОНВЕНЦИИ.

23-е заседание, вечером, 5 декабря 1930 года.

Господин председатель, голосование по проекту конвенции в целом не имело место и я хотел бы избежать какого-либо недоразумения. Совершенно ясно, что Советская делегация только приняла к сведению одобрение текста проекта конвенции большинством Комиссии, не относясь сама к этому большинству.

**
*

X.

„ОГОВОРКА О РОССИИ“

В Женевской конвенции о торговле оружием 17 июня 1925 г. была включена статья, предусматривающая из'ятия для западных лимитрофов СССР до присоединения «России». Статья эта перешла затем в текст Конвенции о производстве оружия и в текст Конвенции о разоружении.

В 1925 г. включение данной статьи было произведено по инициативе Польши и Румынии и сопровождалось указанием делегата Франции на то, что «Россия играет в мире роль пугала». Необходимость «оговорки о России» в Конвенциях Лиги Наций, касающихся вооружений, формально мотивировалась неучастием СССР. Против других государств такой оговорки не делалось.

Вопрос об «оговорке о России» в Конвенции о разоружении встал на заседании Подготовительной комиссии 1 декабря 1930 г. Как выразился т. Луначарский, «сохранение этой статьи, вовсе недопустимой тогда уже, когда она принималась, т. е. до участия СССР в работах Комиссии,— делалось бы по меньшей мере абсурдным теперь, когда СССР участвует в этой Комиссии». Однако, хотя подкомиссия, пересматривавшая последнюю часть проекта, и предлагала исключить статью, однако, она оставила некоторые намеки и неясности на счет признания Комиссией возможной обоснованности подобной огворки. Тов. Луначарский требовал полной ясности, но ответа не получил и дискуссия была отложена до слушания проекта доклада, где имелось ввиду указать, почему данная статья была опущена.

Эта дискуссия имела место на предпоследнем заседании утром 9 декабря 1930 г. Советская делегация, не принимавшая участия в докладе комиссии выступила по этому вопросу. «Когда какой-либо пункт прямо направлен против моего правительства, я не могу быть не заинтересованным», сказал т. Луначарский во время прений.

В проекте доклада Комиссии, представленным ее докладчиками делегатом Греции Политисом и делегатом Испании Кобианом вопрос освещался в том смысле, что Подготовительная комиссия, выпустив статью из проекта конвенции, представляемого конференции, все же не признает необоснованности особой «оговорки о России». Соответственное место доклада гласило:

«В тексте, принятом в первом чтении, за статьей 54 (бывш. ЕБ) следовала статья ЕС, гласившая следующее:

«Высокие договаривающиеся стороны соглашаются признать оговорки, которые могли бы быть сделаны Эстонией, Финляндией, Латвией, Польшей и Румынией в момент, когда таковые подпишут настоящую конвенцию, и которые будут приостанавливать применения в отношении к ним статей... настоящей конвенции, впредь до момента присоединения России к настоящей конвенции, на тех же условиях, что и названные державы».

Надо отметить, что шведская делегация полностью резервировала, до второго чтения, свое мнение по этому вопросу.

Комиссия, констатируя важность, придаваемую известными делегациями этому положению, решила оставить его рассмотрение Конференции. Это решение было продиктовано Комиссии двумя соображениями. Первое, что текст возбуждает сугубо политический вопрос. Второе, что он возбуждает очень сложную проблему: действия оговорок, которые договаривающимся державам будет возможно в будущем делать в момент подписания.

В таких условиях эти оговорки могут иметь место? Как они будут компенсироваться другими договаривающимися сторонами? и т. д. Здесь имеется совокупность юридических и технических трудностей, которые Комиссия полагала невозможным разрешить в данный момент».

Тов. Луначарский выступил против такой постановки вопроса требуя пояснений.

Делегат Польши ген. Каспшисский отвечал, что соседние с СССР страны не могут разоружиться, если не разоружится СССР.

Во втором заявлении т. Луначарский остановился на том, почему подобного рода оговорки делаются только против СССР, на это польский генерал ответил т. Луначарскому, что «Правительство, которое он представляет, является единственным в свете, и логика вещей заставила нас просить Комиссию признать этот исключительный факт». После этого в советскую декларацию было добавлено указание на то, что СССР является единственным миролюбивым государством.

После дискуссии, в которой делегаты Польши, Румынии, Финляндии, а также лорд Сесиль присоединились к предложенной г. Буркеном формуле, по существу оставлявшей ту же постановку, которая была предложена в докладе, Комиссия 12 голосами против 2 (СССР и Турция) отвергла предложения т. Луначарского исключить это место доклада. Затем комиссия приняла редакцию Буркена 18 голосами против голоса СССР.

№ 41.

ЗАЯВЛЕНИЕ т. ЛУНАЧАРСКОГО ПО ПОВОДУ «ОГОВОРКИ О РОССИИ» В ДОКЛАДЕ КОМИССИИ РАЗОРУЖЕНИЯ.

26-е заседание, утром, 9 декабря 1930 года.

По причинам, которые я изложил во время своего выступления 6 декабря [31]), советская делегация не принимает

[31]) См. ниже № 43.

участия в составлении доклада Лиги наций. Но на заседании 1 декабря, заслушав доклад г. Политиса относительно последней части конвенции, я имел случай заявить настоятельную просьбу советской делегации о том, чтобы в докладе не оставалось никакого следа пункта ЕС, который советская делегация считала недопустимым уже ранее и который по ее мнению теряет в нынешних условиях всякую тень основания. Мы сохранили за собой право на окончательное суждение по этому вопросу после ознакомления с местом (доклада), к нему относящимся.

Возлагая на большинство Комиссии всю ответственность за доклад, мы не делали никаких замечаний по поводу разнообразных утверждений, в нем заключающихся. Если моя делегация допускает для этого места доклада отступление от своей линии поведения, то потому, что оно, даже в своем теперешнем виде, ставит в исключительное положение мое правительство, которое последнее не сочло бы возможным допустить.

Советская делегация полагает, что замечания группы государств с целью скомпрометировать других ни в коем случае не должны быть допущены Комиссией.

Я надеюсь, что после сказанного делегации, настаивающие на этой странной оговорке по поводу СССР, будут иметь достаточно такта чтобы самим взять ее обратно.

Если я ошибаюсь — я обращаюсь к Комиссии. В случае, если это законное требование не будет удовлетворено, я буду вынужден снова взять слово для протеста и на этот раз с чисто политической точки зрения.

№ 42.

ОТВЕТ т. ЛУНАЧАРСКОГО ген. КАСПШИССКОМУ ПО ПОВОДУ «ОГОВОРКИ О РОССИИ».

26-е заседание, утром, 9 декабря 1930 года.

Логика делегата Польши кажется мне немного странной. Здесь представлено несколько десятков государств; можно ли быть вполне уверенным, что после конференции все подпишут конвенцию? Я не думаю, чтобы в этом можно было быть уверенным. Несколько десятков правительств здесь не представлены. Между тем, выбирают одно и говорят: вот Союз Советских Республик. Это страна, которая может быть не захочет подписать конвенцию. Почему? Кто вам дал право говорить так о моем правительстве, скорее чем о других? После декларации, только что сделанной генералом Каспшисским, я должен тем более настаивать, т. к. в том, что он сказал, нет никакой логики.

**

XI.

ДЕКЛАРАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ.

4 декабря 1930 г. советская делегация направила Председателю комиссии разоружения г. Лоудону письмо, с указанием на то, что делегация СССР, не являющегося членом Лиги наций, и расходящаяся с Комиссией в оценке ее работ не будет участвовать в составлении ее доклада Лиге наций. Делегация просила поэтому приложить к докладу Комиссии разоружения отдельно меморандум СССР (в дальнейшем составивший с некоторыми изменениями декларацию делегации СССР, сделанную 9 декабря). Г-н Лоудон письмом от 5 декабря ответил отказом. Меморандум и ответ на него помещены в конце настоящего издания (см. №№ III и IV).

На 24 заседании 6 декабря т. Луначарский вернулся к этому вопросу, изложив подробно мотивы неучастия советской делегации в докладе Комиссии. Дискуссия на эту тему продолжалась в течении всего времени слушания проекта доклада Комиссии, причем г. Лоудон утверждал, что доклад беспристрастен и дает об'ективную картину, что не имеется оснований для отдельной декларации СССР и что он не может допустить ее помещения, а тов. Луначарский опровергал эти утверждения и указывал на то, что самое расположение материала в докладе Комиссии и его освещение дают такую положительную оценку работ Комиссии, которая не разделяется советской делегацией. Последней пришлось бы менять весь доклад. В подтверждение права приложить декларацию СССР к докладу, без участия в его аналитической части, т. Луначарский ссылался на заверения, данные в этом смысле г. Политисом на сессии 1929 г. Последний, председательствуя на этой сессии дважды отвечал на вопрос советской делегации относительно доклада Комиссии: «Этот доклад будет состоять из трех частей. В нем будет содержаться текст (конвенции), каким он выйдет из второго чтения, затем будет иметься анализ наших работ, чтобы указать, в каком смысле некоторые тексты были изменены или восполнены; затем будет третья часть, которая будет содержать оговорки и декларации всех делегаций. Все будут поставлены в условия совершенного равенства.

Эта система способна удовлетворить все представленные интересы».

Советской делегации удалось добиться сделать общую декларацию в конце работ Комиссии, вопрос же о приобщении ее декларации к докладу не был решен.

Рядом с этим возник, неоднократно затрагивавшийся во время слушания проекта доклада Комиссии—вопрос о том, упоминать ли вообще в докладе Комиссии о советской делегации. Во вводной части доклада позиция СССР была единственно отражена ввиде беглого указания на два советские проекта. Начиная с 24 заседания, вечером 6 декабря, Комиссия стала исключать из доклада те упоминания о некоторых советских заявлений, которые были сделаны докладчиками. При этом указывалось, что это делается по просьбе советской делегации. Хотя последняя и отмежевалась от доклада, однако, т. Луначарский на 25 заседании вечером 8 декабря привел в ясность положение сказав: «Мы не делали подобного предложения. Мы сказали, что с того момента, как мы будем иметь возможность представить нашу резолюцию отдельно, нам безразлично все, что будет говориться в докладе».

Вопрос этот дискутировался и в дальнейшем, причем, начиная с главы о морских вооружениях те несколько упоминаний о советской делегации, которые были сделаны докладчиками, — остались. В конечном итоге в докладе оказались только некоторые указания о заявлениях СССР и в частности отсутствует всякое упоминание [32]) о том, что «сокращение» введено в конвенцию по настоянию советской делегации и о двух других основных выступлениях советской делегации относительно военнообученных резервов и сухопутного материала.

Эта особенность построения доклада, была отмечена т. Луначарским (№ 44) во время прений, последовавших за оглашением на последнем заседании вечером 9 декабря советской декларации, освещавшей совсем иначе, чем это было сделано в докладе Комиссии, работу комиссии, ее проект и советскую позицию (№ 45).

После новой дискуссии, вопрос о способе доведения декларации СССР до сведения правительств, решился в том смысле, что будет разослан протокол последнего заседания, в котором будет помещена эта декларация и заявления, сделанные другими делегациями. В дальнейшем отдельный оттиск протокола последнего заседания с советской деклара-

[32]) Отсутствовавшее также и в первой редакции проекта доклада где, как и в окончательном тексте, только сказано, что форма статьи была предложена редакционным комитетом, без упоминания о том, кем была предложена ее сущность.

цией, был разослан секретариатом в серии циркулярно рассылаемых материалов.

№ 43.

РЕЧЬ т. ЛУНАЧАРСКОГО О ДОКЛАДЕ КОМИССИИ И ОБ ОТДЕЛЬНОЙ ДЕКЛАРАЦИИ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ.

24-е заседание, вечером, 6 декабря 1930 года.

Советская делегация не считает для себя возможным принять участие в обсуждении доклада Комиссии.

СССР не является членом Лиги наций и наша делегация не имеет намерения участвовать в представлении доклада Соевту Лиги наций. К тому же, сверх этого соображения формального порядка, имеется другое, не менее существенное. Действительно, доклад состоит не только из разрозненных документов: текста конвенции, резолюций Комиссии, деклараций и оговорок, представленных различными делегациями,— но содержит еще известную оценку работ Подготовительной Комиссии разоружения. Эта оценка дана либо в форме резюме прений, либо в форме подбора деклараций некоторых делегаций. При этих условиях доклад отражает совершенно определенную тенденцию, дающую оценку работам Комиссии. Позиция советской делегации в отношении проекта конвенции, составленного Комиссией, и оценка, которую советская делегация ему дает, — достаточно известны, будучи неоднократно высказаны за 3 года участия СССР в работах Комиссии. Эта оценка явно отрицательная. Тем самым, если бы советская делегация приняла участие в редактировании доклада, она должна была бы просить изменить его общий характер и подчеркнуть вопросы, от которых просто уклоняются. Если бы этого не было и, если бы, наоборот, эти вопросы были бы заострены,— это обнаружило бы всю бесплодность работы Комиссии и бесполезность составленного проекта конвенции. Тогда было бы видно, что проект имеет значение только как попытка оправдать перед общественным мнением отказ от разоружения.

Надо заранее предположить, что руководящее большинство Комиссии не согласилось бы записать в свой пассив и свои работы и проект конвенции. Советская делегация также предпочла устраниться от редактирования доклада Комиссии, решив представить собственную декларацию об общей позицию СССР в отношении работ Комиссии, также как и о роли советской делегации. Последняя не преминула уведомить об этом Председателя комиссии письменно и заблаговременно.

В соответствии с тем, что я высказал, советская делегация воздерживается от представления своих соображений по каждой части доклада, пока будет продолжаться дискуссия по поводу этого документа.

Советская делегация, таким образом, требует права сказать то, что она имеет сказать, резюмируя свою точку зрения в формальной декларацией.

№ 44.

ЗАЯВЛЕНИЕ т. ЛУНАЧАРСКОГО О ПРЕДСТАВЛЕНИИ ОТДЕЛЬНОЙ СОВЕТСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ.

27-е заседание, вечером, 9 декабря, 1930 года.

Никогда советская делегация не просила опускать ее оговорок или изображения ее позиции; никогда она не настаивала на этом. Мы сказали: мы не будем участвовать в составлении доклада Комиссии, который большинство составит, как оно хочет. Мы думали, что этот доклад должен быть точной фотографией. Кроме того, мы прибавили, что не участвуя в этой работе, мы просим, чтобы нам была дана возможность сделать декларацию, которая будет присоединена к докладу.

Правда, что председатель сказал мне, что это невозможно по таким-то и таким-то соображениям. Я спросил, немедленно: почему?

Я напомнил Комиссии то, что г. Политис нам сказал, во время первой части этой сессии. Он обещал тогда, что будет третья часть доклада, в которой найдут место декларации всех делегаций. Мне не дали ответа, но меня просто спросили: хочу ли я выяснить положение немедленно. Я ответил отрицательно, добавив, что было бы своевременно поставить данный вопрос после моей декларации.

Таким образом, вопрос не разрешен. Комиссия довольно радикально изменила эту об'ективную фотографию, выкорчевав из доклада наши предложения и различные аспекты нашей позиции в Комиссии; она их опустила в первой части доклада, сохранив во второй. Я спрашиваю себя: не должны ли докладчики сказать в докладе, что при этих условиях этот документ не является точным.

Я не вижу, как можно было бы сделать иначе?

В конечном итоге, мы просим просто, чтобы наша декларация была приложена к вашему докладу без того, чтобы эти документы являлись частью доклада Комиссии.

Как вы видите, мы немного просим.

№ 45.

ДЕКЛАРАЦИЯ

СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НА ПОСЛЕДНЕМ ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ РАЗОРУЖЕНИЯ.

9 декабря 1930 года.

I

Делегация СССР, не состоящего членом Лиги наций, участвует в работах Подготовительной Комиссии, не принимая каких-либо обязательств перед Лигой наций. Это об'ясняет ее неучастие в составлении доклада Совету Лиги наций.

Однако, принимая во внимание, что доклад Подготовительной Комиссии представляет документ, предназначенный для общественности и для надобностей будущей Конференции по разоружению, советская делегация считает необходимым пояснить позицию, которую она занимала во время работ Подготовительной Комиссии, и осветить свое отношение к проекту конвенции, составленному последней.

Это отношение является резко отрицательным и тем самым совершенно расходящимся с оценкой большинства Комиссии, отраженной в докладе, сопровождающем проект конвенции. Это тем более побуждает советскую делегацию снять с себя всякую ответственность за проект Подготовительной комиссии и воздержаться от участия в его анализе, данном в докладе.

Позиция советской делегации в отношении разоружения, отраженная во всех деталях ее отдельных предложений и выступлений, фиксированных в протоколах IV, V и VI сессий,— резюмируется в основных чертах нижеследующим образом.

II

Верная основным принципам внешней политики своего правительства советская делегация приняла самое деятельное участие в работах Подготовительной комиссии, исходя всегда из неизменного желания осуществить действительно эффективные мероприятия в области сокращения всех видов вооружений, чтобы хотя, сколько-нибудь, затруднить возникновение войны.

При этом, в противоположность многим другим делегациям, все усилия которых были направлены на ограждение своих военных интересов и использование конвенции о разоружении в качестве средства установления нового равновесия существующих сил, лучше отвечающего их на-

мерениям, советская делегация ясно заявила, что она не добивается для себя каких-либо особых выгод и готова согласиться на уничтожение вооружений или их максимальное сокращение.

Советская делегация постоянно и энергично противилась попыткам обусловить разоружение безопасностью или другими произвольными факторами, служащими обычно обоснованием необходимости сохранения или увеличения вооружений.

III.

Исходя из этой основной задачи, советская делегация с первого дня своего участия в Подготовительной комиссии внесла предложение о немедленном, всеобщем и полном разоружении. Этот проект был отвергнут на V сессии Комиссии. Последняя не привела тогда ни одного серьезного аргумента против советского проекта и ограничилась констатированием, «что ее члены почти единогласно сочли, что этот проект не может быть принят Комиссией в качестве основы для ее работ, которые должны будут вестись по уже намеченному пути».

Отвергая советский проект конвенции о разоружении, Подготовительная комиссия отвергла единственно эффективную гарантию мира, заявив при этом, что статут Лиги наций не допускает полного разоружения.

IV.

Исходя из того же стремления добиться принятия хоть сколько-нибудь эффективных мер в области разоружения, советская делегация после отклонения своего первого проекта и учитывая, что значительное большинство Комиссии противопоставляло советскому проекту всеобщего и полного разоружения идею частичного и постепенного сокращения, — внесла новый проект конвенции о сокращении вооружений, не отказываясь все же от своего первоначального проекта.

V.

Советский проект конвенции о сокращении вооружений исходил из трех принципов, которые в то же время являются основными принципами всякого реального сокращения вооружений. Эти принципы были изложены советской делегацией 17 апреля 1929 г. Вот они: 1) существующие вооружения должны быть ощутительно сокращены; 2) это сокращение основывается на принципе пропорциональности

или на другом, столь же объективном критерии, одинаково применяемом ко всем государствам, с допущением некоторых отступлений в пользу малых и менее защищенных стран; 3) цифровые коэффициенты сокращения вооружений —должны быть фиксированы в проекте конвенции Подготовительной комиссии.

В своей резолюции от 19 апреля 1929 г., Комиссия отвергла три принципа, выдвигавшиеся советской делегацией, тем самым давая доказательство своего малого желания вступить на путь действительного и эффективного сокращения вооружений.

VI.

Последовательное отклонение Подготовительной комиссией двух советских проектов, одного — полного разоружения и другого — сокращения вооружений, могло явиться достаточным основанием для решения советской делегацией прекратить свое участие в работах Комиссии. Однако, стремясь до конца продолжать свою попытку добиться от Подготовительной комиссии каких-либо ощутительных результатов и, с другой стороны, не желая давать кому-либо повод приписывать явную безуспешность работ Комиссии неучастию в этих работах представителей Правительства СССР, советская делегация продолжала участвовать в Комиссии.

VII.

Участвуя в обсуждении составленного самой Комиссией проекта, советская делегация стремилась путем конкретных поправок и дополнений, хотя сколько-нибудь, приблизить его к идее всякого проекта конвенции о сокращении вооружений.

Во время прений советская делегация не только высказывалась за те или иные принципы, но и сама вносила предложения, боролась за их принятие и голосовала за них и против предложений, равнозначащих отказу от разоружения, и выступала против всякой системы, имеющей целью этот отказ оправдать или сокрыть.

К сожалению подавляющее большинство Подготовительной комиссии, систематически отклоняя советские предложения и идя неизменно по линии наименьшего сопротивления, лишило этот проект, без того уже не содержащий цифр, всякого значения, прикрывая и оправдывая этим проектом сохранение и увеличение существующих вооружений.

VIII.

Советская делегация считает необходимым конкретизировать следующие свои самые важные и самые общие возражения против проекта конвенции в том же виде, как он получился в результате последней сессии Подготовительной комиссии; эти возражения следующие:

1. Советская делегация энергично выступала за необходимость ощутительного сокращения вооружений. Подготовительная комиссия в 1929 г. не соглашалась упомянуть об этом принципе, а в 1930 г. по настоянию Советской делегации, хотя и внесла его в свой проект, но в совершенно неудовлетворительной форме.

Советская делегация возражает против двусмысленной формулы «об ограничении и, поскольку возможно, сокращении» вместо ясного и четкого указания на то, что существующие вооружения должны быть обязательно уменьшены ощутительным образом. Делегация констатирует, что принятая формула оставляет полную возможность сохранять и даже увеличивать вооружения.

2. Решение Подготовительной комиссии об ограничении личного состава вооруженных сил мирного времени является по существу мероприятием фиктивным, так как генеральные штабы сами не стремятся увеличивать численность современных армий. Наоборот, структура армий и качество их личного состава претерпевают серьезные изменения в сторону усиления потребностей военного порядка при мобилизации и во время войны. Таким образом, Подготовительная комиссия в вопросе о личном составе только следует самым новейшим тенденциям современного милитаризма.

Делегация СССР возражает против решения Комиссии относительно личного состава по следующим причинам:

а) в виду отказа Комиссии от сокращения военнообученных резервов, составляющих один из важнейших элементов вооруженных сил, накапливаемых в мирное время с целью создания во время войны современных огромных армий;

б) в виду отказа Комиссии установить по каждому роду войск отдельно сокращение численности военных профессионалов, — офицеров, унтер-офицеров, пилотов, — высокий процент которых обеспечивает быстрое развертывание массовых армий;

с) в виду недостаточности, которую представляет само посебе одно ограничение срока военной службы, что для некоторых стран является только ухищрением для увеличения военно-обученных резервов.

3. Делегация СССР возражает против отказа Комиссии:

а) прямо сократить материал сухопутных войск в частях, в запасе и на складах, который при «механизации» современных армий, компенсирует уменьшение количества личного состава;

б) уничтожить танки и сверхдальнюю артиллерию, как одни из наиболее агрессивных и наиболее опасных для мирного населения видов оружия, и воспретить введение вновь изобретенных орудий войны, как усиливающее темпы скачки вооружений.

4. Делегация СССР возражает против отказа Комиссии установить, предложенные советской делегацией, предельные элементы военных кораблей и их артиллерии в целях уменьшения агрессивной и разрушительной силы современных флотов и возражает против примерно указанных, чрезмерно высоких норм, также как и против из'ятия от всякого ограничения значительного числа военных кораблей.

Советская делегация возражает также против узаконения будущей конвенцией Вашингтонского и Лондонского морских договоров, освятивших сохранение нынешнего высокого уровня общего тоннажа флотов и значительный рост отдельных классов военных кораблей.

Делегация СССР возражает, кроме того, против отказа Комиссии воспретить приспособление торговых судов для использования в военное время в качестве боевых единиц.

5. Делегация СССР отмечает, что предельные элементы отдельных боевых единиц, примерно указанные Комиссией, существенно отличаются от предельных элементов, предложенных делегацией СССР.

Линейные корабли:

Цифры указанные Комиссией — не свыше 35.000 тонн.
Предложение СССР — не свыше 10.000 тонн.

Подводные лодки:

Цифры, указанные Комиссией — не свыше 2.000 тонн.
Предложение СССР — не свыше 600 тонн.

Надо отметить, что определение стандартного водоизмещения, согласно избранного Комиссией способа, искусственно приуменьшает тоннаж судов до 40%.

6. Делегация СССР возражает против отказа Комиссии воспретить воздушную бомбардировку, как средство, особо угрожающее мирному населению, не принимающему прямого участия в военных действиях.

Делегация СССР возражает также против отказа Комиссии сократить весь военный воздушный материал, находящийся на складах.

Делегация СССР возражает таким же образом против отказа Комиссии от обязательного сокращения вооружений в метрополии и в каждой заморской территории по отдельности, без чего колониальные державы, сосредоточивая

свои вооруженные силы в одной из этих территорий, могут создать угрозу соседним странам или туземному населению. То же возражение относится к личному составу всех вооруженных сил.

7. Делегация СССР возражает против отказа Комиссии воспретить производство в мирное время химических и бактериологических боевых средств и сохранение их на вооружение в войсках и на складах, что опорачивает воспрещение их употребления в военное время.

8. Советская делегация не может иметь окончательных суждений по главе о бюджетном сокращении, от принятия ясного решения по которой Комиссия уклонилась, удовольствовавшись передачей вопроса Комитету экспертов и не приняв решения о сокращении военных расходов по отдельным рубрикам.

Делегация СССР особенно настаивает на том, что одно бюджетное сокращение не является достаточным средством сокращения, если не комбинируется с прямым сокращением материала.

9. Делегация СССР не высказывается по главам IV и VI проекта конвенции, в виду того, что вопрос о гласности и контроле вооружений всецело зависит от того, как и в каких размерах они будут сокращены. Делегация СССР должна ясно отметить, что гласность ни ограничиваемых, ни сокращаемых вооружений не может заменить их сокращения или даже их ограничения и возражает против всякой попытки использовать гласность, как средство сокрытия отказа от ограничения и сокращения вооружений.

Делегация СССР должна отметить, что она стоит за равенство всех государств, подписавших конвенцию, в отношении их участия в Постоянной комиссии. Она возражает против поручения исполнения конвенции органу Лиги наций.

Кроме того, делегация СССР возражает против всякой системы, которая давала бы каждому государству возможность превышать установленные нормы вооружений, тем самым, сводя на нет все значение конвенции.

10. Советская делегация решительно протестует против отказа Комиссии вынести окончательное суждение по статье, предоставляющей западным соседям СССР из'ятия в случае неприсоединения СССР к конвенции. Эта статья, прямо направленная против СССР, отражает намерение ряда государств выставить СССР, как препятствие для мира и разоружения. Это утверждение, от оценки которого делегация воздержится, — не заслуживает, конечно, опровержения. Как справедливо заметил делегат Польши, СССР является единственным случаем государства, которое в своей внешней политике никогда за время своего тринадцатилетнего существования не отступало от своей мирной программы, и это — несмотря

на многочисленные попытки провоцировать его на вооруженное сопротивление против различных нападений, которым он многократно подвергался.

Делегация протестует против решения представить данную статью конференции путем упоминания о ней в докладе.

IX.

Изложенное делает невозможным принятие проекта конвенции делегацией СССР и укрепляет ее твердое решение продолжать ее неустанную борьбу за мир и защищать, перед будущей конференцией, свои собственные предложения по разоружению.

X.

Ссылаясь на резолюцию Подготовительной комиссии от 19 апреля 1929 г., гласящую, что Комиссия решает, «если советская делегация этого пожелает, приобщить советский проект конвенции к докладу, который Комиссия по окончании своих работ должна представить Конференции по разоружению», — советская делегация выражает убеждение, что Комиссия осуществит это постановление, сообщив конференции одновременно со своим проектом конвенции также и проект СССР.

Советская делегация просит Комиссию приложить к докладу настоящую декларацию, которая должна заменить оговорки и замечания о позиции СССР, которые были в значительной мере исключены из доклада Комиссии.

***

XII.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

ПЕРВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЕЛЕГАЦИИ СССР ПО МОРСКОМУ ВОПРОСУ.

(Раздел II, главы II, проекта 1927 г).

8 ноября 1930 г. Док. № 226.

Статья NE [33]). Принимая во внимание крайнюю трудность точного установления цифр, об'ективно выражающих, какую пропорцию надо скинуть с тоннажа для судов, превысивших возрастной срок, смотря по классам, типам и годам постройки и, что, с другой стороны, при подобной практике в строю может оказаться тоннажа кораблей больше условленного предела, — советская делегация предлагает исключить статью NE.

Статья ND. В виду того, что предлагаемый метод изымает из учета водоизмещения как раз те элементы (запасную котельную воду и топливо), которые в значительной мере определяют радиус действия кораблей, и искусственно преуменьшает фактический тоннаж, — советская делегация предлагает взамен ст. ND следующую редакцию:

«Стандартное водоизмещение корабля — есть водоизмещение законченного корабля с полным своим экипажем, машинами и котлами, готового к выходу в море, со всеми вооружениями и снаряжениями, установками и экипировками, жизненными припасами, пресной водой для экипажа, различным снабжением, оборудованием и запасами разного рода, которые судно должно иметь во время войны, включая горючее и запасную воду для машин и котлов.

Эта оценка должна быть сделана в метрических тоннах.

Статья NH Считая необходимым воспретить вооружение торговых судов вообще, — советская делегация предлагает следующую редакцию статьи HN.

«В мирное время на торговых судах не будет делаться

[33]) Статья NE проекта 1927 г. предусматривала, что корабли, отслужившие свыше предельного срока, будут считаться не с тем тоннажем, который они действительно имеют, а как если бы они имели меньший тоннаж.

никаких приготовлений для установки вооружений с целью обращения этих судов в военные корабли».

II.

ВТОРОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДЕЛЕГАЦИИ СССР О МОРСКИХ ВООРУЖЕНИЯХ (Продолжение документа № 10).

Приложение I. — Корабли, не подлежащие ограничению.

Нижеследующие корабли не будут подлежать ограничению:

а) Надводные военные корабли, стандартное водоизмещение которых 100 тонн (101 метрическая тонна) и менее, и калибр пушек которых не превышает 3 дюймов [34]).

б) Надводные военные корабли [35]), не построенные специально, как боевые суда, но используемые для обслуживания флота или как войсковые транспорты или как либо иначе, чем боевые корабли, и при условии, что они не имеют ни одного из следующих признаков: [35]).

1. Вооружены пушками калибра выше 3 дюймов (76,2 мм).
2. Вооружены более чем четырьмя пушками этого калибра.
3. Проектированы или оборудованы для стрельбы торпедами.
4. Проектированы для развития скорости свыше пятнадцати узлов.
5. Защищены броневыми плитами.
6. Оборудованы для посадки на них воздушных судов.

---

[34]) В предложении семи делегаций вместо пункта а имелось два пункта: а) надводные боевые военные корабли, стандартное водоизмещение которых 600 тонн (610 метрических тонн) и менее; б) надводные боевые военные корабли, стандартное водоизмещение которых более 600 тонн (610 метрических тонн), но не превышает 2000 тонн (2032 метрических тонны) при условии, что они не имеют ни одного из следующих признаков: 1) вооружены пушками калибра выше 6,1 дюйма (155 мм.); 2) вооружены более чем четырьмя пушками калибра выше 3 дюймов (76 мм.); 3) проектированы или оборудованы для стрельбы торпедами; 4) проектированы для развития скорости свыше двадцати узлов.

[35]) В продолжение семи делегаций последующие пункты, числом девять, гласили: 1) вооружены пушками калибра выше 6.1 дюйма (155 мм.); 2) вооружены более, чем четырьмя пушками калибра выше 3 дюймов (76 мм.); 3) проектированы или оборудованы для стрельбы торпедами; 4) проектированы для развития скорости свыше двадцати узлов; 5) защищены броневыми плитами; 6) проектированы или оборудованы для постановки мин; 7) оборудованы для посадки на них воздушных судов; 8) имеют более одного, установленного в диаметральной плоскости аппарата для пуска воздушных судов или не более двух, по одному с каждого борта; 9) имея какое-либо приспособление для пуска воздушных судов, проектированы или оборудованы для обслуживания в море более трех воздушных судов.

7. Имеют какое-либо приспособление для пуска воздушных судов.

ПРИЛОЖЕНИЕ III. — Определения.

В настоящей конвенции следующие выражения должны пониматься в нижеследующем смысле:

а) Линейный корабль есть военный корабль, не являющийся авианосцем, имеющий пушку калибра выше 8 дюймов (203 мм)[36].

Стандартное водоизмещение [37]).

1. Стандартное водоизмещение военного корабля есть водоизмещение законченного корабля, с полным своим экипажем, машинами и котлами, готового к выходу в море, со всеми вооружениями и снаряжениями, экипировками, установками, жизненными припасами и пресной водой для экипажа, различными запасами и оборудованиями всякого рода, которые корабль должен иметь во время войны, включая горючее и запасную воду для машин и котлов.

2. Стандартное водоизмещение подводной лодки есть надводное водоизмещение законченного корабля, (не считая воды в водопроницаемых помещения), с полным своим экипажем, машинами и котлами, готового к выходу в море, со всеми вооружениями и снаряжениями, экипировками и и установками, жизненными припасами для экипажа, различными запасами и оборудованиями всякого рода, которые корабль должен иметь во время войны, включая горючее, смазочные масла и пресную воду, но без балластной воды всякого рода.

3. Водоизмещение каждого военного корабля должно исчисляться по его стандартному водоизмещению, как оно определено выше.

Под словом «тонна», за исключением выражения «метрическая тонна», должна пониматься тонна в 2.240 фунтов (1.016 килограммов).

ПРИЛОЖЕНИЕ IV. — ПРАВИЛА ЗАМЕНЫ.

1. За исключением случаев. предусмотренных в пункте 4 настоящего приложения, ни один корабль, ограниченный настоящей конвенцией, не должен заменяться ранее, чем он станет «устаревшим».

2. Корабль должен считаться «устаревшим» по проше-

[36]) В проекте семи делегаций этот пункт гласил; "линейный корабль за исключением уже существующих кораблей, указанных в приложении II, есть военный корабль, не являющийся авианосцем, стандартное водоизмещение которого превышает 10.000 тонн (10.160 метрических тонн), имеющий пушку калибра выше 8 дюймов (203 мм.)".

[37]) В проекте семи делегаций конец пункта I читался: „... но без горючего и запасной воды для машин и котлов", а конец п. 2—„...но без горючего, смазочных масел, пресной воды и балластной воды всякого рода."

ствии нижеследующего количества лет со дня окончания работ по его постройке: [38])

а) Линейный корабль: 25 лет, поскольку не имеется специальных положений, которые могут потребоваться для замены существующих кораблей.

б) Надводные корабли более 3.000 тонн (3.048 метрических тонн), но не свыше 10.000 тонн (10.160 метрических тонн) стандартного водоизмещения:

I) если они заложены до 1 января 1920 года: 20 лет.
II) если они заложены после 31 декабря 1919 года: 25 лет.

с) Надводные корабли не свыше 3.000 тонн (3048 метрических тонн) стандартного водоизмещения:

I) если они заложены до 1 января 1921 года: 16 лет.
II) если они заложены после 31 декабря 1920 года: 20 лет.

д) Подводные лодки: 15 лет.

3. Корабли, являющиеся тоннажем для замены, не будут закладываться ранее, чем за три года до того года, в котором корабль, подлежащий замене, станет «устаревшим»; однако этот срок будет сокращен до двух лет в случае замены надводного корабля, стандартное водоизмещение которого не превышает 3.000 тонн (3.048 метрических тонн).

Право замены не утрачивается вследствии отсрочки закладки тоннажа, который служит для замены.

4. В случае гибели или случайного разрушения, корабль может быть заменен немедленно; однако тоннаж для замены подлежит ограничению водоизмещения и другим предписаниям настоящей конвенции.

III.

ПИСЬМО т. ЛУНАЧАРСКОГО г. ЛОУДОНУ С ПРИЛОЖЕНИЕМ МЕМОРАНДУМА СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ.

Женева, 4 декабря 1930 г.

Господин председатель.

Делегация СССР, не состоящего членом Лиги наций, принимает участие в работах Подготовительной комиссии, не принимая на себя каких-либо обязательств перед Лигой наций. В силу этого обстоятельства она не может присоединиться к докладу, представляемому Комиссией Совету Лиги наций.

Принимая, однако, во внимание, что упомянутый доклад будет представлять собою документ, предназначенный, с одной стороны, для широкой общественности, а с другой — для надобностей будущей Конференции по разоружению, совет-

[38]) В проекте семи делегаций был еще пункт „б“ об авианосцах, а самые сроки были для линейных кораблей 20 лет, для кораблей более 3.000 тонн 16 и 20 лет, не свыше 3.000 тонн 12 и 16 лет, для подводных лодок — 13 лет.

ская делегация просит вас, господин председатель, приложить к докладу Комиссии одновременно с текстом настоящего письма нижеследующий меморандум, поясняющий точку зрения советской делегации на отдельные главы и разделы проекта конвенции. Этот меморандум покрывает собою все, в разное время сделанное советской делегацией, оговорки по отдельным статьям, в силу чего эти оговорки могут быть из'яты из соответствующих мест доклада Комиссии.

МЕМОРАНДУМ, ПРИЛОЖЕННЫЙ К ПИСЬМУ.

Верная основным принципам внешней политики своего правительства, советская делегация приняла самое деятельное участие в работах Подготовительной комиссии, исходя из неизменного желания осуществить действительно эффективные мероприятия в области сокращения всех видов вооружений, чтобы хотя сколько-нибудь затруднить возникновение войны.

I.

Исходя из этой основной задачи, советская делегация с первого дня своего участия в Подготовительной комиссии внесла предложение о немедленном всеобщем и полном разоружении. Этот проект советской делегации был отвергнут на V сессии Комиссии. Последняя не привела тогда ни одного серьезного аргумента против советского проекта и ограничилась констатированием, «что ее члены почти единогласно сочли, что этот проект не может быть принят Комиссией в качестве основы для ее работ, которые должны будут вестись по уже намеченному пути».

Отвергая советский проект конвенции о разоружении, Подготовительная комиссия отвергла единственно эффективную гарантию мира, заявив при этом, что статут Лиги наций не допускает полного разоружения.

II.

Исходя из того же стремления добиться хотя каких-либо эффективных мер в области разоружения, советская делегация после отклонения своего первого проекта и учитывая, что значительное большинство Комиссии противопоставляло советскому проекту всеобщего и полного разоружения идею частичного и постепенного сокращения, — внесла новый проект конвенции о сокращении вооружений, не отказываясь все же от своего первоначального проекта.

III.

Советский проект конвенции о сокращении вооружений исходил из трех принципов, которые в то же время являются основными принципами всякого реального сокращения вооружений. Эти принципы были изложены советской делегацией 17 апреля 1929 г. Вот они: 1) существующие вооружения должны быть ощутительно сокращены; 2) это сокращение основывается на принципе пропорциональности или на другом, столь же об'ективном критерии, одинаково применимом ко всем государствам, с допущением некоторых отступлений в пользу малых и менее защищенных стран; 3) цифровые коэффициенты сокращения вооружений должны быть фиксированы и проекте конвенции Подготовительной комиссии.

В своей резолюции от 19 апреля 1929 г. Комиссия отвергла все три принципа, выдвигавшиеся советской делегацией, тем самым давая доказательство своего нежелания вступить на путь действительного и эффективного сокращения вооружений.

IV.

Последовательное отклонение Подготовительной комиссией двух советских проектов, одного — полного разоружения и другого — сокращения вооружений, могло явиться достаточным основанием для решения советской делегации прекратить свое участие в работах Комиссии. Однако, стремясь до конца продолжать свою попытку добиться от Подготовительной комиссии, сколько нибудь, ощутительных результатов и, с другой стороны, не желая давать кому либо повод приписывать явную безуспешность работ Комиссии неучастию в ее работах представителей Правительства СССР, советская делегация продолжала участвовать в Комиссии.

V.

Учавствуя в обсуждении составленного самой Комиссией проекта, советская делегация стремилась путем конкретных поправок и дополнений хотя, сколько-нибудь, приблизить его к идее всякого проекта конвенции о сокращении, вооружени. К сожалению, подавляющее большинство Подготовительной комиссии систематически отклоняя советские предложения, идя неизменно по линии наименьшего сопротивления, лишило этот проект, — без того уже не содержащий цифр, — всякого значения, прикрывая и оправдывая этим проектом сохранение и увеличение существующих вооружений.

VI.

Советская делегация считает необходимым конкретизировать следующие свои самые важные и самые общие возражения против проекта конвенции в том виде, как он получился в результате последней сессии Подготовительной комиссии; эти возражения следующие:

1. Советская делегация возражает против двусмысленной формулы об «ограничении и, поскольку возможно, сокращении» вместо ясного и четкого указания на то, что существующие вооружения должны быть обязательно уменьшены ощутительным образом. Делегация констатирует, что принятая формула оставляет полную возможность сохранять и даже увеличивать вооружения.

2. Делегация СССР возражает против решения Комиссии относительно личного состава по следующим причинам:

а) в виду отказа Комиссии от сокращения военнообученных резервов, составляющих один из важнейших элементов вооруженных сил, накапливаемых в мирное время с целью создания во время войны современных огромных армий;

б) в виду отказа Комиссии установить по каждому роду войск отдельно сокращение численности военных профессионалов, — офицеров, унтер-офицеров, пилотов, — высокий процент которых обеспечивает быстрое развертывание массовых армий;

с) в виду недостаточности, которую представляет само по себе ограничение срока военной службы, что для некоторых стран является только ухищрением для увеличения военно-обученных резервов.

3. Делегация СССР возражает против отказа Комиссии:

а) прямо сократить материал сухопутных войск в частях, в запасе и на складах ,который, при механизации современных армий, компенсирует уменьшение количества рядовых;

б) уничтожить танки и сверхдальнюю артиллерию, как один из наиболее агрессивных и опасных для мирного населения видов оружия, и воспретить введение вновь изобретенных орудий войны, как усиливающсе скачку вооружений.

4. Делегация СССР возражает против отказа Комиссии установить предложенные советской делегацией минимальные предельные элементы военных кораблей и их артиллерии, в целях уменьшения агрессивной и разрушительной силы современных флотов, и возражает против, примерно указанных, чрезмерно высоких норм, также как и против из'ятия от всякого ограничения значительного числа военных кораблей.

Советская делегация возражает также против освяще-

ния будущей конвенцией Вашингтонского и Лондонского морских договоров, легализовавших сохранение нынешнего высокого уровня общего тоннажа флотов и значительный рост отдельных классов военных кораблей.

Делегация СССР возражает, кроме того, против отказа Комиссии воспретить приспособление торговых судов для использования в военное время в качестве боевых единиц.

5. Делегация СССР возражает против отказа Комиссии воспретить воздушную бомбардировку, как средство, особо угрожающее мирному населению, не принимающему прямого участия в военных действиях.

Делегация СССР возражает, также, против отказа Комиссии сократить весь военный воздушный материал, находящийся на складах.

Делегация СССР возражает, таким же образом, против отказа Комиссии от обязательного сокращения вооружений в метрополии и в каждой заморской территории по отдельности, без чего колониальные державы, сосредоточивая свои вооруженные силы в одной из этих территорий, могут создать угрозу соседним странам или туземному населению. То же возражение относится к личному составу всех вооруженных сил.

6. Делегация СССР возражает против отказа Комиссии воспретить производство в мирное время химических и бактериологических боевых средств и сохранения их на вооружении в войсках и на складах, что опорачивает воспрещение их употребления в военное время.

7. Советская делегация не может иметь окончательных суждений по главе о бюджетном сокращении, от конкретного разрешения которого Комиссия уклонилась, передав вопрос Комитету экспертов и не приняв решения о сокращении военных расходов по отдельным рубрикам.

Делегация СССР особенно настаивает на том, что одно бюджетное сокращение не является достаточным средством сокращения, если не комбинируется с прямым сокращением материала.

8. Делегация СССР не высказывается по двум последним главам проекта конвенции, в виду того, что вопрос о гласности и контроле вооружений всецело зависит от того, как и в каких размерах они будут сокращены.

Делегация СССР, должна, однако, отметить, что она стоит за равенство всех государств, подписавших конвенцию, в отношении их участия в Постоянной комиссии и что она возражает против поручения исполнения конвенции органу Лиги наций.

Кроме того, делегация СССР возражает против всякой системы, которая давала бы каждому государству, по его усмотрению, возможность превышать установленные

нормы вооружений, тем самым сводя на-нет значение конвенции.

9. Советская делегация решительно протестует против отказа Комиссии вынести окончательное суждение по статье, предоставляющей западным соседям СССР из'ятия в случае неприсоединения СССР к конвенции, т. к. эта статья прямо направлена против СССР. Делегация протестует против решения представить данную статью конференции, путем упоминания о ней в докладе.

VII.

Изложенное делает невозможным принятие проекта конвенции делегацией СССР и укрепляет ее твердое решение продолжать ее неустанную борьбу за мир и защищать перед будущей конференцией свои собственные предложения по разоружению.

IV.

ОТВЕТ г. ЛОУДОНА НА ПИСЬМО т. ЛУНАЧАРСКОГО О МЕМОРАНДУМЕ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ.

Женева, 5 декабря 1930 г.

Господин председатель,

В ответ на полученное от Вас письмо от вчерашнего числа, спешу выразить Вам мое сожаление, что не могу удовлетворить Вашей просьбы приобщить к докладу Комиссии текст Вашего письма и текст сопровождающего его меморандума.

Действительно, президиум комиссии держится того мнения, что если бы каждая делегация могла изложить в отдельном документе позицию, которую она занимала, предложения, которые она делала, и за что она подавала голос во время работ Комиссии, то было бы совершенно бесполезно составлять общий доклад, целью которого как раз и является дать все эти сведения. Советская делегация, как и всякая другая делегация, имеет право просить о внесении исправлений [39]).

СССР не единственное государство, участвующее в работах Комиссии не будучи членом Лиги наций. Ко всем делегациям применяется одна процедура и было бы непонятно, если бы одна из делегаций отказалась присоединиться к документу, дающему картину работ, в которых она принимала участие, тем более, что доклад Комиссии предназначен не только осветить вопрос перед Советом Лиги наций, но и перед будущей конференцией по разоружению.

39) В докладе Комисси [illegible] перев.)

Цена 2 руб.

